"НО, МУЗА, НИКОМУ ЗДЕСЬ НЕ ГРОЗИ"
(вместо введения)

Все началось со статьи "Россия и Маркс" Михаила Яковлевича Гефтера. Если бы не этот "строгий историк", никогда бы мне и в голову не могла прийти мысль о том, что кто-то может поднять руку - не на Пушкина (на него руку поднять не побоялись), а на его творчество. Это не укладывалось в представления, навязываемые десятилетиями моему сознанию послереволюционными пушкинистами: имя Пушкина и его творчество для служителей культа Пушкина - священны.

И вдруг в статье "Россия и Маркс" читаю:
«Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из оного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть случая - мощного мгновенного орудия провидения» (Ист.1).

Это окончание программы третьей критической статьи, написанной Пушкиным в болдинский период на работу Полевого "История русского народа". В рукописи статьи, а также во всех ее дореволюционных изданиях (Ист.2,3,4) после слова "случая" стоит точка. Кто же здесь "просто врет", а кто врет "еще сугубо"?, то есть кто и с какой целью приписал Пушкину четыре слова: "мощного, мгновенного орудия провидения"?

Что касается цели, то она видна невооруженным глазом. Без приписанных поэту четырех слов Пушкин заявляет о себе как диалектик, для которого через цепь случайностей пробивает себе дорогу закономерность. С припиской "пушкинистов" он сам, как и все происходящее в мире, для него - затейливая игра "случая", который, в свою очередь, всего лишь "мощное, мгновенное орудие Провидения". Ну а подлог Гефтеру нужен, чтобы подкрепить авторитетом Пушкина следующее положение своей статьи:
«Случай персонифицируется в отдельном человеке, но он же становится "орудием провидения", олицетворяясь в народе».

Каждому понятно, что это всего лишь вольный пересказ ставшего сейчас столь модным изречения Гегеля: "Каждый народ достоин того правительства, которое он имеет".
Гефтеру, как и большинству современных историков, спешно меняющих свое обличие, надо оболванить общественное мнение, загнав его в замкнутый круг причинно-следственных связей примитивными рассуждениями типа: «Все негативные явления послереволюционной истории России - результат деятельности Сталина, а сталинизм, персонифицируясь в отдельном человеке - Сталине, становится "орудием провидения", олицетворяясь в самом народе. Наверное, не стоит и доказывать, что во всей статье Гефтер выступает с антидиалектической отсебятиной(см. прим.1), которую еще 80 лет назад разоблачил В.И.Ленин:
"Принципы - не исходный пункт исследования, а его заключительный результат; эти принципы не применяются к природе и человеческой истории, а абстрагируются из них; не природа, не человечество сообразуются с принципами, а, наоборот, принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории"» (Ист.5).

Гефтер же, как и другие перестроившиеся историки, вначале формирует концепцию, нужную вечным странникам революционной перестройки мира, а затем подгоняет под нее исторические факты. Если факты не укладываются в "прокрустово ложе" заданной

концепции, тогда им либо обрезают голову, либо вытягивают ноги. Современные гефтеры, однако, понимают, что если только резать, как это было сразу после революции, то не заметишь, как и твоя голова окажется в мясорубке. Отсюда обрезание после террора 1937г. строгие историки стали чаще заменять вытягиванием. Захотелось понять, кто и когда совершил вышеупомянутое "вытягивание" пушкинского текста.

Первоисточники показали, что действительно, до 1937г. Пушкину чаще делали "обрезание". Так, например, если первые две статьи с критикой "Истории русского народа" Н.Полевого печатались, то третья, мировоззренческая, очень серьезная программная статья поэта даже в академическом издании 1936г. опускалась. Впервые эта статья с искажающими мировоззрение Пушкина приписками появилась в академическом собрании сочинений Пушкина под редакцией Б.В.Томашевского в 1958г. (Ист.6). Именно Б.В.Томашевского следует считать ответственным за варварский метод вытягивания и обрезания пушкинского текста, поскольку каждый том академического собрания сочинений сопровождается официальной записью: "Текст проверен и примечания составлены проф. Б.В.Томашевским". Но в команде Томашевского не чуждались и обрезания. Хорошо видно, что статья сокращена вдвое, причем из текста изъяты самые существенные места. При сверке текстов обнаруживается, что работали профессионалы, ломали Пушкина мягко, культурно, но вполне эффективно. Так, например, сравнивая источники (2) и (6) замечаем, что в третьей части статьи Пушкин пишет: "История древняя есть история Египта, Персии, Греции, Рима, - история новейшая есть история христианства. Горе стране, находящейся вне его!" (Ист.2). Томашевскому не нравится такое понимание хода истории Пушкиным, и он навязывает свое, беззастенчиво изменяя последнюю фразу: "Горе стране, находящейся вне европейской системы" (Ист.6).

Но "европейская система" и "христианство" - понятия в корне отличные. Христианство - религиозная идеология, а "европейская система" - социально-экономическое образование, которого в начале 19 века и в помине не было. Идеологии вырабатываются людьми, в совершенстве владеющими методологией для достижения своих глобальных стратегических целей. Горе тем странам и народам, которые, не понимая этих целей, позволяют гнать их в заданном направлении, зачастую чуждом их национальным интересам. Но еще большее горе тем, кто, понимая ложность этих целей, пытается помочь своим народам вырваться из под опеки "строгих историков". Отсюда мысль Пушкина глубже словоблудия Томашевского: оказывать сопротивление господствующей в обществе идеологии много сложнее, чем бороться против открытого вооруженного нашествия.

Итак, "строгий историк" Гефтер, проявив одновременно и леность, и недобросовестность (доверился "своему" Томашевскому), заставил меня внимательно изучить не только эту статью, но и всю серию статей Пушкина о работе Н.Полевого. И на меня дохнуло жарким пламенем той полемики, которая разгоралась в среде русской интеллигенции начала 19 века в отношении исторических путей развития России. Карамзин и Полевой были выразителями двух направлений этого развития. Первый, опираясь на целостное мировосприятие собственного народа (эпос, летописи), стремился в своем подвижническом труде постичь общий ход вещей, т.е. увидеть реальное место России в окружающем ее мире. Благодаря Карамзину мыслящая интеллигенция впервые получила верный ключ к поиску путей созидательного разрешения основных противоречий развития государства Российского, да еще с опорой на духовные силы собственного народа. Полевой же исходил из того, что Россия отделена от Западной Европы, а следовательно, отстала от нее, и потому считал, что необходимо приноровить к России систему новейших историков Запада. Однако, реальный мир целен, и ни одна страна не может на своем историческом пути быть вырванной из глобального исторического процесса. Следовательно, подлинный историк должен стремиться увидеть место своей страны в этом процессе и понять основные связи с ним. Концепция "изолированности" России от Запада диктовала Полевому содержание его

антиисторической работы. Время подтвердило верность пушкинских оценок работы Полевого.

Так литературные споры начала XIX века стали для меня остросовременными, а внимательный разбор основных противоречий того времени позволил уяснить суть происходящего сегодня. И в Пушкине я обрел своего Вергилия, который помог мне выбраться из кругов ада на ровную дорогу. Но сначала пришлось вернуться в пушкинскую болдинскую осень 1830г., т.е. в период создания упоминавшейся статьи. В ней поэт собирался дать бой не столько самому Полевому, сколько тем силам, которые стояли за его спиной, и из среды которых сформировалось позднее западническое направление историографии. Позднее Пушкин отозвался об этой работе Полевого еще более резко. В 1836 году, просматривая проект письма П.А.Вяземского к Уварову о тогдашней литературе, он написал на полях, против места, где говорится, что "Устрялов не усомнился вывести на одну доску Карамзина и Полевого", следующие строки: «О Полевом не худо бы напомнить и пространнее. Не должно забывать, что он сделан членом-корреспондентом нашей академии за свою шарлатанскую книгу, писанную без смысла, без изысканий и безо всякой совести - не говоря уже о плутовстве подписки, что уже касается управы благочиния, а не академии наук» (Ист.2, с.589).

О "Болдинском периоде" осени 1830г. написано много. Большой интерес всегда уделялся "Повестям Белкина", "Маленьким трагедиям", но как-то в стороне оставался "Домик в Коломне". Он был закончен 10 октября 1830г., а 11 октября в письме к Наталье Николаевне Пушкин напишет странную фразу: "Je deviens si imbecile que c'est une benediction" В дореволюционных и советских изданиях эта фраза будет иметь совершенно разный перевод. Под редакцией Морозова: "Я становлюсь совершенным идиотом: как говорится - до святости" (Ист.7). Под редакцией Томашевского: "Я так глупею, что это просто прелесть" (Ист.8). Письмо написано на французском, и перевод всего текста, за исключением этой фразы, в обоих изданиях идентичен. Но Пушкин и здесь поставил зарубку - на века: "Переводчики суть подставные лошади просвещения". "Идиот" - слово французское, и если бы Пушкин хотел назвать себя по-французски идиотом, то он и в письме поставил бы слово французское "idiot", однако у него стоит "imbecile", что в переводе - глупый, дурак. Во французском языке слова "юродивый" не существует. По словарю Даля "идиот" - малоумный, убогий, юродивый. А "юродивый" - безумный, божевольный, дурачок, от роду сумасшедший; народ считает юродивых божьими людьми, находя нередко в бессознательных поступках их глубокий смысл, даже предчувствие или предвидение. По-моему, ни у Морозова, ни у Томашевского не сделано точного перевода этой фразы, а звучать по-русски она должна так: "Я становлюсь юродивым: как говорится - до святости". Конечно, гинсбурги, оксманы, цявловские, маршаки и пр. всегда делали гешефты на переводах, однако и здесь Пушкин оставил свою болезненную зарубку, пригвоздив недобросовестных людей этой профессии одной фразою: "Переводчики суть подставные лошади просвещения".

- колдун, вещун
- угадывать, предсказывать
- ??? что за слово? в словаре нет!
- выходит и здесь подделка?

Даже не владеющий французским языком читатель может убедиться, что дореволюционный перевод достаточно точен, а фривольное переложение мыслей великого поэта Томашевским и Ко - хулиганство. Предположить плохое знание французского в "Пушкинском доме" - кощунство. Советский писатель Валентин Иванов в своей замечательной книге "Золотая цепь времен" заметил, что "Переводчики слов всегда предатели, переводчики мыслей - союзники". Конечно, французское "imbecile" можно

перевести и как "идиот" и как "глупый", но "benediction" - святой, на "прелесть" никак не тянет. По словарю Даля французское слово "идиот" имеет русский синоним "юродивый". К юродивому же у Пушкина отношение особенное. Ведь это сам автор устами юродивого в "Борисе Годунове" царю всю правду говорит, о чем Пушкин и замечает в письме к П.А.Вяземскому (после 7 ноября 1825 года): «Юродивый мой - малый презабавный... Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию. Навряд, мой милый! Хотя она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого: торчат!».

Если Пушкин после написания "Домика в Коломне" признается в своей способности подниматься до святости, а Томашевский и КО стремятся представить гения прелестным глупцом, то здесь что-то не так. "Единожды солгавший, кто тебе поверит?" А "солгавший" оказался не единожды. Более сотни только смысловых искажений было обнаружено мною, и потому решил я строго следовать за Пушкиным, а не за пушкинистами. Я старался понять причину наигранного равнодушия к "Домику в Коломне". Банальность? Но Пушкин и банальность - несовместимы. Однако все, что написано об этой повести за полтора прошедших столетия, безусловно несет на себе печать банальности.

Поскольку в дальнейшем мы будем сравнивать тексты "Домика в Коломне" по изданию "Сочинений и писем А.С.Пушкина" под редакцией П.О.Морозова 1903 г. и по изданию под редакцией Б.В.Томашевского 1957 г., то для лучшей ориентировки читателя дадим им упрощенное название "Морозова" и "Томашевского".

Так, в предисловии к "Домику в Коломне" у Морозова читаем: "Рецензия (на повесть: авт.) явилась в Литературном Прибавлении к Русскому Инвалиду 1833, N 69. По словам Анненкова, повесть "почти всеми принята была за признак конечного падения нашего поэта. Даже в обществе старались не упоминать о ней в присутствии автора, щадя его самолюбие... Пушкин все это видел, но не сердился и молчал..."(Ист.9). А вот мнение самого поэта, изложенное в письме издателю П.А.Плетневу из Москвы 9 декабря 1830г.: "Скажу тебе (за тайну), что я в Болдине писал, как давно уже не писал. Вот что я привез сюда: две последние главы Онегина, восьмую и девятую (о десятой, написанной 19 октября, поэт умолчал. Она была также написана в Болдине, дошла до нас в зашифрованном виде, по мнению пушкинистов, оригинал уничтожен. Автор придерживается другого мнения), совсем готовые в печать; повесть, писанную октавами (стихов 400), которую выдадим anonyme; несколько драматических сцен или маленьких трагедий, именно: "Скупой рыцарь", "Моцарт и Сальери", "Пир во время чумы" и "Дон Жуан". Сверх того, написал около тридцати мелких стихотворений. Хорошо? Еще не все (весьма секретное, для тебя единого): написал я прозою пять повестей, от которых Баратынский ржет и бьется, и которые напечатаем также anonyme. Под моим именем нельзя будет, ибо Булгарин заругает" (Ист.7).

Неудивительно, что мнение публики и Пушкина разошлись. Время - лучший судия. Оно давно решило этот спор в пользу Первого Поэта России. Заметим, что "Повести Белкина" и "Домик в Коломне" (повесть, писанную октавами) Пушкин хотел издать анонимно. Разумеется не потому, что боялся Булгарина. Тогда кого же? Ответ можно найти в одном из произведений, также написанном в Болдино, о котором Пушкин упоминает в письме М.П.Погодину (начало ноября 1830): "Дай бог здоровье Полевому! его второй том со мною и составляет утешение мое. Посылаю вам из моего Пафмоса апокалипсическую песнь. Напечатайте, где хотите, хоть в "Ведомостях" - но прошу вас и требую именем нашей дружбы - не объявлять никому моего имени. Если московская цензура не пропустит ее, то перешлите Дельвигу, но также без моего имени и не моею рукою переписанную" (Ист.7). Пафмос! Речь идет о стихотворении "Герой", в котором автор впервые называет тех, кто, по его мнению, действительно опасен и кто не прощает выпадов в свой адрес.

Очень часто приходится слышать, что Пушкин - вне времени. По-моему, это не совсем точно. Правильнее говорить о современности творчества Пушкина, и "Герой" - поразительное тому доказательство. Сейчас, когда наша пресса взахлеб и с каким-то сладострастием творит из примитивного культа "отца народов" не менее примитивный культ "злодея народов", преднамеренно подменяя причины следствиями, на примере данного стихотворения можно проследить, как Пушкин мастерски разоблачает возню культотворчества и показывает истинные цели некоторых "поэтов", которые то ли по недомыслию, то ли из меркантильных соображений во все времена успешно занимались боготворчеством. И совсем неважно, что у Пушкина в споре "друга" с "поэтом" предметом исследования является Наполеон, а в спорах моих современников - Сталин. Важнее другое - эпиграфом к "Герою" взят евангельский вопрос "Что есть истина?"

Да, слава в прихотях вольна.
Как огненный язык, она
По избранным главам летает,
С одной сегодня исчезает
И на другой уже видна.

Так начинает "Друг" исследовать предметы культа, оставляя пока открытым вопрос: "Кем главы избираются?" Поэт показывает, как осуществляется процесс манипулирования сознанием масс с помощью внешних атрибутов культотворчества:

За новизной бежать смиренно
Народ бессмысленный привык;
Но нам уж то чело священно,
Над коим вспыхнул сей язык.

Чтобы вскрыть и наглядно продемонстрировать читателю механизм оболванивания, "Друг" - Пушкин задает своему оппоненту - "Поэту" вопрос:

Когда ж твой ум он поражает
Своею чудною звездой?

И тот чистосердечно отвечает, что воображение его сильнее всего поражено тем, как "Герой"

Нахмурясь, ходит меж одрами
И хладно руку жмет чуме
И в погибающем уме
Рождает бодрость...

О! Эти бойкие ребята с нимбом святости за прошедшие два столетия со времен Наполеона в совершенстве овладели ритуалом пожатия рук не только "чуме", чтобы возродить бодрость в погибающем уме народа. Этим простым и доступным способом они превращают народ в бессмысленную толпу, "живущую по преданиям и рассуждающую по авторитету". Неудивительно, что такие "поэты", воспевающие до самозабвения культовые ритуалы, искренне верят, что их протеже станут великими на века. "Друг" - Пушкин, выливая ушат холодной воды на горячую голову "поэта", указывает ему на тех, кто привык считать народ стадом баранов и основная цель которых - скрыть свет истины от народа:

Мечты поэта -
Историк строгий гонит вас!
Увы! Его раздался глас, -

И где ж очарованье света!

Но Пушкин не был бы Пушкиным, если бы не довел "исследование" до конца. И здесь, по-моему, он совершает невозможное: наглядно демонстрирует, как почитатель "культа" становится циничным писакой, ставящим "возвышающий обман" в основополагающий принцип своего творчества, т.е. превращается в продажного борзописца "строгих историков":

Да будет проклят правды свет,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, к соблазну жадной,
Он угождает праздно! - Нет!
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...

Разоблачает себя "поэт", и, понимая, что без необходимого камуфляжа его "Герой" предстанет в глазах "посредственной толпы" непривлекательно, возмущенно кричит:

Оставь герою сердце!Что же
Он будет без него? Тиран...

Последнее слово, как всегда, за Пушкиным:
Утешься....

Какова точность счета! Ведь все сказано и за сто лет до того, как фидеисты начала нашего века приступили к сотворению культа Сталина. И дата и место указаны точно - 29 сентября 1830 года г. Москва.

"Герой" написан Пушкиным не в Москве, а в Болдине и не в сентябре, а в октябре 1830г., т.е. одновременно с "Домиком в Коломне". Дата 29 сентября 1830г. связана с реальным событием - посещением Николаем I зачумленной Москвы, но для такого художника, как Пушкин, реальный мир и мир символов цельны и соединены животворной связью, неуловимую нить которого мы и пытаемся сделать осязаемой в нашем исследовании. Для сочинителей, лишенных целостности мировосприятия, истина уже не одна. Их много - тьма, и все они, разумеется, "низкие".

Наберись терпения, читатель! Это не отвлечение внимания от основного предмета нашего исследования, а подготовка к восприятию вещей настолько необычных, что если к ним идти обычным порядком, т.е. в лоб без широкого исследования мира художественных образов, в котором жил и творил гений Пушкина в болдинскую осень, то многое дальнейшее может быть воспринято как мистика. Правда, в наше время и это не удивительно, 6 июня 1989 года в телевизионной юбилейной пушкинской программе один из актеров, участвующих в передаче, произнес следующее: "Поражает его цельность, т.е. никакого конформизма. Ни к кому он не подлаживался, а высказывал свою позицию прямо и даже с более глубоким видением мира, чем мои современники. Порой он наводит на меня мистический ужас." Это высказывание хорошего актера и честного человека озадачило меня. Мистическое отношение к предмету возникает как результат нарушения цельности мировосприятия в сознании субъекта, с одной стороны, и разрушения (зачастую целенаправленного) мира художественных образов объекта, с другой стороны. Поэтому будем особенно внимательны к малейшему разрушению целостного мира художественных образов, созданных гением Пушкина.

А техника разрушения такова. В издании Морозова "Домик в Коломне" содержит 54 строфы с эпиграфом из "Метаморфоз" Овидия, данного Пушкиным по-латыни: "Modo vir modo femina". Дословный перевод: "То мужчина, то женщина". У Томашевского эпиграф изъят с положенного места и перенесен в примечание без перевода, а в основном тексте вместо 54 строф осталось только 40. Изъятые 14 строф перенесены в раздел "Ранние редакции" со следующим примечанием:

"Первоначально рассказ предварял ряд строф, посвященных литературной полемике. Ко времени появления "Домика в Коломне" острота этой полемики была утрачена, и Пушкин полемические строфы откинул. Также он отказался от мысли напечатать повесть анонимно." Все это, конечно, ложь. Ко времени напечатания, т.е. 1833-35гг., острота полемики не только не была утрачена, а возросла даже в большей мере, чем в момент написания, т.е. осенью 1830г. Более того, она сохранила свою актуальность в последующее 100-летие и особенно обострилась после революции в России, а сегодня даже неискушенному читателю видно, что эта полемика достигла своего апогея. И не потому ли выброшены 14 строф, что они помогают понять, почему "друг на друга словесники идут" и сегодня, как во времена Пушкина. Нет, не случайно Томашевский убрал их в раздел "Ранние редакции" - он работал с дальним прицелом.

Здесь усматривается психологический расчет. Дробление текста - это прежде всего дробление сознания читателя, нарушение целостности его мировосприятия. Понимал Томашевский, что далеко не каждый читатель заинтересуется "Ранними редакциями". Ведь его сознанию привит устойчивый стереотип: "Изучение различных редакций - удел литературоведов". По сути дела операция, проделанная Томашевским и К над основным текстом Пушкина, - преднамеренное сужение понятийной базы читателя. На самом деле никаких "ранних редакций" "Домика в Коломне" не было. Повесть написана поэтом на едином дыхании в течение максимум недели, т.е. с 4 по 10 октября. После первых 12 строф в рукописи стоит дата - 5 октября. Если учесть, что в эту неделю было написано еще шесть стихотворений, а 9-го октября закончен "Гробовщик" (третий по счету из пяти "Повестей Белкина"), то и говорить о каких-то "ранних редакциях" "Домика в Коломне" - словоблудие. Вообще 10 октября был самым плодовитым днем Болдинского периода (см.примечание). Отсюда и признание Пушкина невесте в письме 11 октября 1830 года, которое так странно переведено Томашевским. Ну, и нигде нет указаний на то, что Пушкин отказался напечатать повесть анонимно.

Я не считаю, что в издательствах "Брокгауз - Ефрон" "Просвещение" трудились одни поклонники пушкинского таланта. И все-таки следует признать, что дореволюционные пушкинисты были разбойниками в меньшей степени, чем послереволюционные. Так у Морозова, в приведенном выше предисловии к "Домику в Коломне", мы отмечаем лишь непонимание замысла художника, но наблюдаем также стремление к объективному отражению мнения критики и автора без попыток обрезания основного текста, т.е. без покушения на целостность мировосприятия читателя.

Известно, что одним из самых сложных вопросов в исследовании творчества любого художника является постижение замысла его творения. В издательстве "Просвещение" и здесь проявили достаточно такта, не навязывая читателю своего решения этого вопроса. В издательстве "АН СССР" посчитали, что такого вопроса вообще не существует, т.е. банальность "Домика в Коломне", о которой впервые известили читателя сотрудники редакции "Литературного прибавления" к "Русскому инвалиду" в 1833г., доказательств не требует, и потому в "Примечаниях" сочли возможным дать следующее пояснение:

«Пушкин жил в той части Петербурга, которая называется Коломной (окраинная часть на правом берегу Фонтанки у ее слияния с Екатерининским каналом) после окончания Лицея до ссылки на юг. Впечатления этих лет и легли в основу поэмы».

Итак, "Домик в Коломне" - банальность, заурядная бытовая история? Но как быть с мнением самого поэта? Стоило ли ему подниматься до святости, чтобы в художественной форме отразить некий забавный случай, который можно изложить в двух словах: "Жила-была вдова с дочерью Парашей и стряпухой Феклой. Стряпуха неожиданно умерла, дочь по просьбе матери пригласила кухарку по имени Мавра со стороны. Через какое-то время вдова застала Мавру за мужским занятием - бритьем, падает в обморок, а вновь нанятая молодая стряпуха исчезает". При этом возникает целый ряд вопросов. Если банальная история, то зачем же издавать ее анонимно? Если банальность, то зачем совершать над нею не менее банальный обряд обрезания? И почему исчез эпиграф? Ведь цель эпиграфа - сконцентрировать внимание читателя на основной идее произведения. Иногда разгадка символа, заключенного в эпиграфе, дает ключ к пониманию самого творения художника.

Зачем Эзопа я вплел с его вареным языком в мои стихи?

Вопросам интерпретации пушкинских творений уделялось и уделяется много внимания. Обычно авторы постулируют те или иные положения, прежде чем перейти к толкованию произведения. Например, А.А.Любищев свое понимание "Сказки о золотом петушке" А.С.Пушкина (написанной, кстати, тоже в Болдино в сентябре 1834г.) предваряет такими тремя постулатами (Ист.11):

«1) подобно тому, как великий Ньютон сказал: "Природа ничего не делает напрасно и ничего не производит большими усилиями, что может произвести меньшими." - так и в отношении Пушкина следует принять: Пушкин ничего не пишет напрасно и, следовательно, ничего не пишет лишнего;

2) действие сказки происходит в современных границах СССР и России пушкинского времени;

3) всякий сомневающийся в первых двух постулатах - несомненный кретин или агент Уолл-Стрита.»

Автор согласен с постулатами Любищева, но важнейшим из трех считает первый с маленькой поправкой:
- Пушкин не только ничего не писал лишнего, но и ничего лишнего не рисовал.

И еще:
- хорошо известно, что в сказках всегда присутствует язык Эзопа.
- все сказки Пушкина(см.прим.2) написаны в разные годы, но непременно в Болдино и непременно осенью.

- "Домик в Коломне" - единственная повесть, в которой поэт не только предупреждает читателя, что будет вести разговор с ним на языке символов но и недвусмысленно вопрошает его: "Опять, зачем Езопа я вплел, с его вареным языком, в мои стихи?" (22 октава по ист.9).

- Пушкин отдавал себе отчет в том, что его современникам этот эзоповский язык будет не под силу:

А, вероятно, не заметят нас, -
Меня с октавами моими купно.
(21 октава по ист. 9)

- Поэт жил надеждой, что наступит время, когда истинное содержание повести станет доступным народу, а неожиданная развязка "банальной истории", для угадывания которой он поднимался до святости, взволнует не только общественность России, но и всего мира:

Ах, если бы меня, под легкой маской,
Никто в толпе забавной не узнал!
Когда бы за меня своей указкой
Другого строгий критик пощелкал!
Уж то-то б неожиданной развязкой
Я все журналы после взволновал!
Но полно, будет ли такой мне праздник?
Нас мало. Не укроется проказник !
(20 октава, ист.9)

Итак, опираясь на данные постулаты, отправимся в путь, читатель. Но сначала несколько слов о святости, упоминаемой в письме поэта от 11 октября 1830г. к Н.Н.Гончаровой, а также об отношениях Пушкина с юродивыми, пророками, сыном божьим и самим богом. Не уяснив этого важного момента, нам будет трудно продвигаться к пониманию замысла Пушкина.

Осмелюсь утверждать, что великая тайна была положена в основу этого необычайного творения. И не потому, что поэт любил играть в загадки. Только цельный охват всего написанного Пушкиным в болдинский период дает возможность увидеть главное: Первый Поэт России мучительно стремился постичь будущее своего народа, путь развития России. Это в явном виде выходит из критических статей и писем поэта, написанных в болдинский период. Художник отображает познаваемый им мир в художественных образах. Подлинный мастер, мастер, владеющий единственно верным методом постижения мира, идет "от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике - таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности" (Ист.13). Не претендуя на роль ведущего философа, Пушкин как художник обладал для своего времени высочайшим уровнем философской культуры, который определялся глубиной постижения диалектического метода. В этом заключается тайна особой притягательности его творений, но здесь сокрыта и тайна его трагедии. Судьба диалектиков, подлинных сынов Человечества и пасынков "строгих историков", во все времена трагична.

Особую ненависть к Пушкину у представителей всех элитарных кланов вызывала и вызывает его способность демонстрировать эффективность применения метода в процессе постижения самой жизни. Это умение поэт доносил до современного и будущего своего читателя в самой доступной и убедительной форме - форме художественных образов. Любые другие формы отрывают единственно верный метод постижения действительности - диалектику - от самой действительности и тем самым как бы умерщвляют его в условиях вечно меняющейся жизни. Так "ученые-философы" превращают этот метод из мощного орудия постижения истины в безвредное отталкивающее пугало для тех, кто к истине стремится. Потому-то, видимо, столь беспомощными и бессильными выглядят современные официальные горе-философы как в деле приобщения народа к методологии диалектического материализма, так и в постижении самой действительности. По недомыслию они это делают или по вероломству - вопрос второй.

От природы Пушкин был наделен величайшим даром понимания прошлого и постижения будущего. Но чем богаче этот дар, тем сложнее им пользоваться, тем большего труда он требует от обладателя для служения истине. Пушкин понимал, как трудно служить людям, как трудно нести им свет истины.

"Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя, -
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды..."

Моему современнику трудно понять, какими опасными и крамольными в начале 19 века могли стать эти строки, особенно вторая. Ведь во времена Пушкина Евангелие было настольной книгой в каждой дворянской семье, а в подсознание народа крепко закладывалась евангельская символика, которая помогала формировать в общественном сознании катехизис христианина. "Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят: где родившийся Царь Иудейский? Ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему"(Ист.14). Волхвы предсказали Рождение Иисуса Христа по явлению звезды. В словах "я вышел рано, до звезды" символически выражено Пушкиным осознание своего высокого предназначения, более высокого, чем предназначение Богочеловека Иисуса Христа.

Читатель подумает, что это уж слишком. Но обратимся к письму Пушкина А.И.Тургеневу, в котором и были написаны эти строки. При жизни поэта они не могли быть напечатаны. Выполняя просьбу А.И.Тургенева, Пушкин дает в письме последнюю строфу из своей оды на смерть Наполеона:

Да будет омрачен позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Твою развенчанную тень! Хвала!
Ты русскому народу
Высокий жребий указал,
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.

Но при этом заключает:
"Эта строфа ныне не имеет смысла, но она писана в начале 1821 года. Впрочем, это мой последний либеральный бред; я закаялся и написал на днях подражание басне умеренного демократа I.X. (Изыде сеятель сеять семена своя)" (Ист.7, с.51) В примечаниях, с ссылкой на рукопись, приводится черновой набросок этого письма: "Это последний либеральный бред. На днях я закаялся - и, смотря и на запад Европы, и вокруг себя, обратился к евангельскому источнику и написал сию притчу в подражание басне Иисусовой" (Ист.7, с. 437) Все цитируется по Морозову. У Томашевского читатель увидит в этом письме совсем другого Пушкина. Чтобы понять значение слов "это мой последний либеральный бред", придется дать некоторые пояснения о перемене взглядов поэта к этому времени. В мае 1821г. Пушкин был принят в кишиневскую масонскую ложу "Овидий". В этой и других масонских ложах последователи французских "вольных каменщиков", не понимая конечных целей тех сил, которые, прикрываясь громкими лозунгами "свободы, равенства и братства", разрабатывали план уничтожения самодержавия в России. Трагедия Пушкина заключалась в том, что он быстро распознал тайных режиссеров будущей трагедии, в которой горячим головам

дворянской молодежи, вкусившим "невольного европейского воздуха", отводилась роль жертвенных козлов-статистов. Масонские ложи - организации тайные. Каждый вновь вступающий в них связывался клятвой сохранять обет молчания, за нарушение которого расплата всегда одна - смерть. Таким образом, масонская пирамида под видом борьбы за свободу превращала посвященную в некое таинство элиту в самое дисциплинированное стадо баранов. Разумеется, Пушкин оставаться в стаде, даже элитарном, не мог. Поэтому "Притча в подражание басне Иисусовой" заканчивается так:

Паситесь, мирные народы,
Вас не разбудит чести клич!
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь;
Наследство их из рода в роды -
Ярмо с гремушками, да бич.

Принято считать (так дается в примечании у Томашевского), что появление стихотворения вызвано поражением революции в Испании, подавленной французскими войсками (Ист.15). Однако в примечании у Морозова имеются еще следующие стихи:

Увидел их, надменных, низких,
Глупцов, всегда злодейству близких...
Пред боязливой их толпой
Ничто и опыт вековой...
Напрасно.
(Ист.16)

Отсюда видно, что Томашевский не "просто врет, но врет еще сугубо", чтобы увести внимание читателя от предметов, тщательное рассмотрение которых, по его мнению, для профанов, т.е. непосвященных, нежелательно. В черновых строках, не вошедших в окончательную редакцию "притчи", хорошо видно, кого поэт подразумевал под стадом, состоящим из "надменных, низких глупцов, всегда злодейству близких". Именно эти строки дают основание судить о том, что меж поэтом и будущими декабристами назревал серьезный конфликт. Отголоски этого конфликта и доходят к нам из рассматриваемого письма: "Надобно, подобно мне, провести три года в душном азиатском заключении, чтобы почувствовать цену и невольного европейского воздуха... Когда мы свидимся, вы не узнаете меня: я стал скучен, как Грибко, и благоразумен как Чеботарев.

Исчезла прежня живость
Простите ж иногда мою мне молчаливость,
Мое уныние... Терпите, о друзья,
Терпите казнь за то, что к вам привязан я."
(Ист.7, с.51)

Это у Морозова. А вот во что превращены эти четыре строки у Томашевского:

Исчезла прежня живость,
Простите ль иногда мою мне молчаливость,
Мое уныние?... терпите, о друзья,
Терпите хоть за то, что к вам привязан я.
(Ист.8, с.75)

В четырех строках пять искажений, из которых четыре мелких, незаметных глазу, но одно явное: замена слова "казнь" на "хоть". Сделано тонко и не лишено подлого мастерства подделки, а в результате... У Морозова Пушкин не просит извинить его поменявшееся

отношение к миру, а объясняет происшедшие в нем перемены и, будучи человеком честным, предупреждает братьев-масонов, что не только не собирается слепо следовать глупцам-баранам, готовым во имя красивых лозунгов взойти на жертвенный костер, но и не откажется от попыток открыть "слепым" причины их "слепоты". Известно, что прозрение, особенно нравственное, операция болезненная. Тот, кто стремится помочь этому прозрению, в глазах слепца может стать палачом, подвергающим пыткам свою жертву. Вот почему у Пушкина в последней строке четверостишия стоит слово казнь. Находясь в затруднительном положении (поэт был повязан клятвой сохранять обет молчания), Пушкин вынужден образно излагать свою позицию, но тем честнее и благороднее он выглядит в глазах потомков. В варианте Томашевского - это уже человек, умоляющий друзей простить ему уныние и молчаливость и терпеть его только за то, что он привязан к ним. Мог ли быть Пушкин таким в 1823г., если не прошло и года, как он наставлял своего младшего брата: "Никогда не принимай одолжений. Одолжение - чаще всего предательство. Избегай покровительства, потому что это порабощает и унижает." (Ист.8, с.761)

Уж в чем нельзя было упрекнуть Пушкина, так это в двоедушии. Но этого не могут ему простить до сих пор те, кто всегда был готов разжечь костер разрушительного разрешения противоречий, лежащих в основе жизненного пути развития России. В данном случае все сделано мягко, культурно, но вполне эффективно. В результате перед читателем совсем не тот Пушкин, которого надо было заставить замолчать во что бы то ни стало. Пушкина, воспитанного современными "пушкинистами", среди которых особенно преуспели Томашевский и К, можно было бы и пощадить.

Таковы были отношения поэта с Богочеловеком. Отношения с пророками у него складывались сложнее. В двадцатидвухлетнем возрасте он имел наглость не только посмеяться над первым в истории Человечества антисемитом - Моисеем (пастухом еврейского стада), но и открыто предупредить посвященных в эту тайну: "На сей раз торговая сделка не состоится".

С рассказом Моисея
Не соглашу рассказа моего:
Он вымыслом хотел пленить еврея,
Он важно лгал, и слушали его.
Бог наградил в нем слог и ум покорный,
Стал Моисей известный господин,
Но я, поверь, - историк не придворный,
Не нужен мне пророка важный чин!
("Гаврилиада". Ист.10, с.144)

И вдруг через пять лет:

И бога глас ко мне воззвал:
"Восстань, пророк, и виждь и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей".
("Пророк". Ист.15, с. 339)

Я намеренно разбираю этот случай, так как он будто бы противоречит изложенному выше и дает право обвинить Пушкина в непоследовательности. Но не спешите. "Пророк" - произведение необычное, и надо хорошо знать все обстоятельства его появления, чтобы понять и самого Пушкина, и что хотел поведать людям его необычайный дар.

Сначала немного о впечатлениях личных. С детских лет принимавший все написанное Пушкиным так же естественно и целостно, как ребенок принимает яркий, живой, вечно изменяющийся мир, я почему-то не принял "Пророка" и более того, демонстративно отказался читать его на уроке. Учитель русского языка, человек добросовестный, мягкий и тонкий, был поставлен в затруднительное положение. Зная мою способность к легкому запоминанию стихов, а пушкинских в особенности, он не мог уяснить причины столь неожиданного упрямства. Да я и сам не смог бы тогда сделать это и потому на все вопросы упорно молчал. Этот эпизод из детства возможно и забылся бы, если бы учитель поставил мне двойку. Но то ли слишком откровенным выглядело желание получить двойку, то ли учитель понял что-то, что не дано было понять двенадцатилетнему мальчишке, - я был отпущен с миром, а это вызвало в свою очередь справедливое возмущение всего класса. Слишком явным было нарушение "социальной справедливости" - каждому по труду. И если бы не "историк" Гефтер и его пресловутая статья "Россия и Маркс", я, возможно, так и не смог бы понять причины моего неприятия пушкинского "Пророка". Анализируя поражение декабристов, Гефтер патетически восклицает: «Именно катастрофой это было, а не просто поражением. Масштаб ее определялся не числом жертв, не варварством кары, а разрывом времени» (Ист.1). Катастрофой для кого? Для тех, кто уже тогда строил планы «окончательно <u>сделать Россию вакантною нациею, способною стать во главе общечеловеческого дела</u>?» (Ист.17). Или для народа, который ничего не знал ни о целях заговора, ни о самих заговорщиках? Да, число жертв после подавления восстания (пять повешенных и полторы сотни сосланных) - действительно совсем не тот масштаб, на который расчитывали предприимчивые предки Гефтера. То ли дело, столетие спустя, когда бронштейны, апфельбаумы, розенфельды, дорвавшись до власти, с революционным рвением вычистили весь культурный слой русской нации. Миллионы расстрелляных, изрубленных, распятых в лагерях и тюрьмах. Вот это действительно масштаб! Это - подлинная катастрофа! Так они интеллигентно (с пониманием!) разрешали основные противоречия российской действительности.

Получи такое же направление разрешение противоречий России в начале 19 века, мы не имели бы ни Пушкина, ни Гоголя, ни Достоевского, ни Толстого. Перетцы, бенкендорфы и ротшильды, преодолев "неподатливость России к единству" мира, о котором так страстно печется в своей статье Гефтер, на столетие раньше преодолели бы "<u>разрыв времени</u>". Вот почему Гефтер с плохо скрываемым раздражением продолжает:

"В поисках будущего мысль обращалась к прошлому. Пушкинский "Пророк" - призыв и обязательство протагонизма - несколькими страницами отделен от "Стансов", обращенных к Николаю".

В надежде славы и добра
<u>Гляжу вперед я без боязни:</u>
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Вспомните, как начинался "Пророк":

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И <u>шестикрылый серафим</u>
На перепутье мне явился.

Так вот в чем дело! Вот что вызвало раздражение "строгого историка": взял на себя обязательство "протагонизма", что в переводе с пиджин-языка на понятийный русский

означает согласие быть слепым орудием в руках "строгих историков", и вдруг легкомысленно отказался; и вместо того, чтобы "мрачно влачиться в иудейской пустыне", начал давать советы царю, да какие:

"Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращуру подобен:
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен".
("Стансы". Ист.15, с. 342)

Тут действительно есть от чего прийти к зубовному скрежету потомкам Перетца(см.прим.3).

Так появилась настоятельная необходимость разобраться не только с личными детскими впечатлениями, но и с глубинными мотивами появления самого "Пророка".

6 декабря 1825г. Пушкин в письме П.А.Плетневу запишет:
"Душа! ... Я пророк, ей богу пророк! Я "Андрей Шенье" велю напечатать церковными буквами во имя Отца и Сына etc. - Выписывайте меня, красавцы мои(см.прим.4), а не то не я прочту вам трагедию свою" (Ист.7, с.145). Что же означает это пророчество? Читаем "Андрея Шенье", отношение к которому у Пушкина особенное: на плаху Шенье послал не король Франции, а победившие соратники-революционеры:

От пелены предрассуждений
Разоблачился ветхий трон;
Оковы падали. Закон,
На вольность опершись, провозгласил равенство,
И мы воскликнули: Блаженство!

Обратите внимание, как ставится поэтом ударение в слове "равенство". "Равенство" и "равенство" - слова одинаковые, но постановка ударения резко меняет понятийный уровень данного слова. Здесь слышен яд сарказма. А дальше? Дальше откровенные горечь и проклятия новоиспеченным палачам:

О горе! О безумный сон!
Где вольность и закон?
Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей.
Убийцу с палачами
Избрали мы в цари.
О ужас! о позор!

Многие "бывшие друзья" за стихотворение "Стансы" упрекали Пушкина в приверженности к "монархизму". Современные же пушкинисты, не понимая русского языка и не сумев подняться до различия в понятийном уровне таких слов, как "царизм", "самовластье", "самодержавие" и бездумно отождествляя их (см. Н.Эйдельман, "Наука и жизнь", 10, 1988), обвиняют Пушкина еще и в конформизме. "Царизм"- это монархический способ правления; "самовластье" - это авторитарный спсоб правления; "самодержавие" - изначальная государственность. свободная от внешнеполитического диктата. "Самодержавие" может быть царским, а может быть и народным. Да и нас уже убедили, что "самовластье" бывает не обязательно царское. Кому-то выгодно, чтобы эти понятия стали

синонимами. Зачем? Уж не для того ли, чтобы народ не заметил, как утрачивает свое собственное самоДЕРЖАВИЕ?

Поэт в этом вопросе был точен:

И на обломках самовластья
Напишет наши имена.
("К Чаадаеву". Ист.16, с.232)

Пушкин, в отличие от тех, кто питается за счет его "культа", понимал, что на обломках "<u>самодержавия</u>" можно написать только чужие имена (Ротшильдов, Хаммеров, Рокфеллеров).

Итак, Пушкин не за "самовластье" и не против "свободы". Он против спекуляции лозунгами "свобода, равенство, братство(см.прим.5)", против эгоистических устремлений тех, кто под этими лозунгами способен творить кровавые дела от имени народа.

Но ты, священная свобода,
Богиня чистая, нет, - невиновна ты,
В порывах буйной слепоты
В презренном бешенстве народа
Сокрылась ты от нас; целебный твой сосуд
Завешен пеленой кровавой.

Когда я читаю "Андрея Шенье", мне кажется, что это сам Пушкин идет на эшафот и мысленно прощается со "своими красавцами", еще недавно бывшими друзьями:

Я плахе обречен. Последние часы
Влачу.Заутра казнь. Торжественной рукою
Палач мою главу подымет за власы
Над равнодушною толпою.

К "Шенье" Пушкин дает следующее "примечание" : "Шенье заслужил ненависть мятежников. Известно, что король испрашивал у Собрания в письме, исполненном спокойствия и достоинства, права апеллировать к народу на вынесенный ему приговор. Это письмо, подписанное в ночь с 17 на 18 января, составлено Андреем Шенье" (Ист.15, с.447) Понимая бессмысленность заговора и чувствуя бессилие от невозможности предотвратить его, поэт с горечью вопрошает:

На низком поприще с презренными бойцами!
Мне ль управлять строптивыми конями
И круто напрягать бессильные бразды?

Трудно, очень трудно было оставаться Пушкину самим собой перед неумолимым роком надвигающихся событий, и тем не менее выбор для себя он сделал: будет победа или поражение заговорщиков - он, поэт, пойдет своим путем. Он - не слепец, он - зрячий, и ему труднее, поскольку он видит дальше своих современников. Извечная трагедия гения, обреченного на одиночество и непонимание.

Погибни, голос мой, и ты, о <u>призрак ложный</u>,
Ты, слово, звук пустой...
О, нет! Умолкни, ропот малодушный!
Гордись и радуйся, поэт:
<u>Ты не поник главой послушной</u>
<u>Перед позором наших лет</u>

Сколько их, послушных поэтов, кануло в лету, а сколько их уйдет туда же, не оставив следа, несмотря на всю их сегодняшнюю суетливую самоуверенность.

Нет, не случайно "Андрей Шенье" появился в год выхода заговорщиков на Сенатскую площадь. В этих стихах видна четкая позиция Пушкина к назревающим событиям в России. Эта глубоко продуманная позиция сформировалась в результате осмысления целей истинных и мнимых, а также действительных результатов Французской революции. Чтобы понять замысел "А.Шенье", надо хорошо представить, почему именно этот поэт привлек столь пристальное внимание Пушкина.

А.М.Шенье родился 20 октября 1762г. в Константинополе в семье генерального консула Франции. Изучив в юности греческий язык и литературу Греции (его мать была гречанка), он выступил с оригинальными стихотворениями в древнем стиле и духе поэтов александрийской эпохи(см.прим.6). Прослужив недолго в армии, вышел в отставку, побывал в Швейцарии, Англии и в 1790г. поселился в Париже, посвятив себя исключительно литературе. Шенье, видимо, был очень талантлив. После первого издания его стихов в 1819г. возникло целое направление поэтов, пытавшихся подражать Шенье. По отзывам французского критика Густава Лансоне, произведения А.Шенье не имеют аналогов во французской литературе: "Они кажутся подлинными произведениями древности, без всякой искусственности; это - поэзия легкая, ясная, пластическая, проникнутая светом, выражающаяся в гармонических и изящных рифмах, развитие которых представляется вполне естественным, - искусство уверенное и строгое, нигде не выступающее на первый план, но чувствуемое всюду" (Ист.20, с.837-838). Сам Пушкин в своей заметке "Об А.Шенье, как классике" (1830г.) говорил о Шенье как о поэте, "напитанном древностью, коего недостатки проистекают от желания дать французскому языку формы греческого стихосложения" (Ист.2, с.430).

Увлеченный событиями революции, он принял горячее участие в политических столкновениях того времени, решительно высказывая свои взгляды против анархии в газете "Журнал де Пари". Это навлекло на него гнев вечных странников революционной перестройки, которые всегда не терпели критики в свой адрес. Робеспьер предал его суду, и Шенье был казнен 25 июля 1794г. Этой казнью был положен первый камень в основание той пирамиды жертв, которую потом безумные последователи кочевых демократов будут возводить в течение двух столетий, и в которую они уложат и Пушкина, и Лермонтова, и Блока, и Гумилева, и Есенина, и Клюева, и многих, многих других.

Сейчас, когда два века отделяют нас от событий Французской революции, их видение Пушкиным для нас особенно ценно, поскольку они предстают перед поэтом без камуфляжа и глянца, тщательно наводимых эйдельманами и гордиными. Не можем мы отказать поэту и в глубокой проницательности. Судьба Шенье стала судьбой лучших поэтов России. Они были уничтожены "карающей секирой" Революции.

Итак, заговор ликвидирован, идет следствие. Пушкин остается в Михайловском. Все сбывается в его предсказаниях. Друзья хотят просить перед новым царем о помиловании поэта. Вот его реакция, изложенная в письме В.А.Жуковскому 20 января 1826г.: "Вот в чем дело: мудрено мне требовать твоего заступления пред государем; не хочу охмелять тебя в этом пиру. Вероятно, правительство удостоверилось, что я заговору не принадлежу и с возмутителями 14 декабря связей политических не имел; но оно в журналах объявило опалу и тем, которые, имея какие-нибудь сведения о заговоре, не объявили о том полиции. Но кто же, кроме полиции и правительства, не знал о нем? О заговоре кричали по всем переулкам, и это одна из причин моей безвинности". Можно подумать, что Пушкин хочет воспользоваться ситуацией и ищет себе оправдания. Нет, Пушкин верен себе: "Теперь

положим, что правительство и захочет прекратить мою опалу, с ним я готов условливаться (буде условия необходимы); но вам решительно говорю -не отвечать и не ручаться за меня. Мое будущее поведение зависит от обстоятельств, от обхождения со мною правительства etc." И последнее, что очень важно в этом письме: Пушкин не отрекался от своих связей с декабристами. Он хотел, чтобы его дело было решено с учетом всех обстоятельств: "В Кишиневе я был дружен с майором Раевским, с генералом Пущиным и Орловым. Я был масон(см.прим.7) в кишиневской ложе, т.е. в той, за которую уничтожены в России все ложи. Я, наконец, был в связи с большею частью нынешних заговорщиков" (Ист.7, с.146,147).

2. ОТНОШЕНИЯ ПУШКИНА С ДЕМОНАМИ, ПРОРОКАМИ, ЮРОДИВЫМИ И БОГАМИ

Внимательно читая стихи, письма, дневниковые записи Пушкина первой половины 1826г., понимаешь, как "высота может погружаться в глубину", и как "глубина может подниматься до вершин". Я чувствовал, что "Пророк" как-то связан с декабристами, но связь эта настолько тонкая, едва уловимая:

"Несчастный силится напрасно
Сказать, что нет того, что есть.
Он правду видит, видит ясно,
И нестерпимая тоска,
Как бы холодная рука,
Сжимает сердце в нем ужасно".
(Ист.15, с.328)

Это "Из Ариостова "Orlando Furioso", и тут же рядом примечательные строки "На смерть Ризнич":

"Где муки, где любовь! Увы, в душе моей
Для бедной, легковерной тени
Для сладкой памяти невозвратимых дней
Не нахожу ни слез, ни пени".
(Ист.15, с.330)

Все это написано в июле 1826г., а в дневнике в этот же месяц всего две строчки сухо, почти канцелярски (Ист.8, с.20):

Услышал о смерти Р.П.М.К.Б. 24. Услышал о смерти Ризнич. 25.

Декабристы были казнены 13 июля 1826г., а 14 августа 1826г. в стихах "К Вяземскому":

Не славь его. В наш гнусный век
Седой нептун земли союзник.
На всех стихиях человек -
Тиран, предатель или узник.
(Ист.15, с.331)

Я привожу этот перечень стихов и записей для того, чтобы читатель мог почувствовать душевное состояние поэта в период времени, кульминационной точкой которого станет дата 8 сентября 1826г. (дата написания "Пророка")

В дохристианскую эпоху это душевное состояние на латыни звучало так: "Doler ingnes onte lucam", что дословно по русски означает: "Свирепая тоска перед рассветом". Так называли в древности наиболее томительное для человека время до рассвета, когда властвуют демоны зла и смерти. Древние римляне хорошо знали страшную силу этих часов ночи, и не случайно это особенное психологическое состояние человека отражено в "Новом Завете". "Евангелие" от Марка так дает описание событий после завершения Тайной вечери, когда Иисус Христос предсказал предательство одного из своих учеников:

«33. И взял с Собою Петра, Иакова и Иоанна; и начал ужасаться и тосковать.

34. И сказал им: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте.

35. И, отошед немного, пал на землю и молился, чтобы, если возможно миновал Его час сей;

36. и говорил: Авва Отче! все возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты.

37. Возвращается, и находит их спящими, и говорит Петру: Симон! ты спишь? не мог ты бодрствовать один час?» (Ист.24)

В христианской мифологии этот эпизод получил название "Моление о чаше". В древних религиях Востока этот час, считаясь "Часом Быка", символически выражал душевное состояние человека перед принятием особенно ответственного решения.

Именно такое название дал своему общественно-философскому роману замечательный русский писатель и ученый И.А.Ефремов. Создав трилогию "Таис Афинская", "Туманность Андромеды", "Час быка", писатель фактически показал прошлое человечества и два варианта будущего.

Да, будущее в отличие от прошлого многовариантно, и от человека зависит, каким ему быть. В "Андрее Шенье" Пушкин предсказал возможный худший вариант развития России в случае победы тех темных сил, о существовании которых ему стало известно после вступления в масонскую ложу "Овидий". Нет, Пушкин никого из "братьев-вольных каменщиков" не предавал, но не спешил засвидетельствовать чувство верноподданности перед "мастерами" - строителями Храма Соломона. Более того, в столь сложный и ответственный период жизни Отечества он был своеобразным "Ангелом-Хранителем России"(так назвал его известный чилийский поэт Пабло Неруда). Худший вариант в России не состоялся во многом и потому, что Первый Поэт России не только не встал на сторону "товарищей" (вторая ступень в масонской иерархии), но и объявил им решительную борьбу. И оружием его был тот величайший дар, тот метод, которым он пользовался для раскрытия в образной форме коварных замыслов черных сил, скрывающих свои подлые планы под громкими лозунгами "Свободы, равенства и братства". Определить эти замыслы - значит указать на них, открыть глаза непосвященным и предотвратить их разрушительное действие в общественном сознании. Ниже мы покажем, как, будучи величайшим мастером Слова Русского, он это делал, а пока...:

"Духовной жаждою томим
В пустыне мрачной я влачился".

Первые же строки "Пророка" о душевном смятении поэта. Что могло быть причиною его душевного состояния? Известно, что 4 сентября Пушкин был вызван Николаем I в Москву, куда в сопровождении фельдъегеря он и отправился из Тригорского. Об этом мы узнаем из

письма П.А.Осиповой 4 сентября 1826г., которое было отправлено из Пскова: "Полагаю, сударыня, что мой внезапный отъезд с фельдъегерем удивил Вас столько же, сколько и меня... Я еду прямо в Москву, где расчитываю быть 8-го числа текущего месяца".

А 16 сентября 1826г. уже из Москвы поэт сообщит той же П.А.Осиповой: "Вот уже 8 дней, что я в Москве, и не имел еще времени написать вам, это доказывает вам, сударыня, насколько я занят. Государь принял меня самым любезным образом" (Ист.7, с.157). Поэт был принят Николаем I тотчас, прямо с дороги. Следовательно, "Пророк" мог быть написан только вечером 8 сентября, в день аудиенции. Содержание беседы осталось тайной. О реакции императора на нее можно судить по вопросу, заданному им Блудову после встречи: "Знаешь ли, что я нынче долго говорил с умнейшим человеком России?" (Ист.25). Некоторый свет на содержание этой беседы проливает пушкинская записка "О народном воспитании", представленная государю 15 ноября 1826 г. (Ист.2, с.252-258).

У Томашевского в примечании по поводу "Пророка": "Написано 8 сентября 1826г. Взяв в основу стихотворения отдельные мотивы 6 гл. библейской книги пророка Исайи, Пушкин далеко уходит от библейского сюжета, изображая иносказательно пророческое назначение поэта" (Ист.15, с.437.).

5. И сказал я: горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами, - и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа.

6. Тогда прилетел ко мне один из серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника,

7. И коснулся уст моих и сказал: вот это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен.

8. И услышал я голос Господа говорящего: кого Мне послать? И кто пойдет для Нас? И я сказал: вот я, пошли меня.

9. И сказал Он: пойди и скажи этому народу: слухом услышите - и не уразумеете, и очами смотреть будете, и не увидите (Ист.26).

Это гл.6-я книги "Пророка Исайи", но есть в этой книге еще и глава 5-я, в которой говорится:

20. Горе тем, которые зло называют добром, и добро злом, тьму почитают светом, и свет тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое горьким!

21. Горе тем, которые мудры в своих глазах и разумны пред самими собою. (Ист.26, Исайя 5, 20-21)

И все это на одной странице "Библии". Не мог Пушкин, читая 6-ю главу, не обратить внимания на содержание 5-й. В этих главах не по форме, а по содержанию заложены глубокие противоречия на пути постижения истины. Пророк Исайя загоняет ум человеческий в ловушку: подмена понятий добра и зла - действительно преступна! Но как ты, ничтожный человек, столь "мудрый в глазах своих и разумный перед самим собою", отделишь свет от тьмы и добро от зла? Только Господу Богу - великому Иегове (в библии для Православных - Саваоф) доступно это, и потому самое большое, что ты можешь - стать "пророком", т.е. исполниться его волею, дабы "глаголом жечь сердца людей". Да, был момент некой растерянности, в который независимый по духу поэт, согласился быть "пророком", т.е. исполниться не своею, а волей Господа, что на языке Гефтера и означало

"принятие на себя обязательств протагонизма". Но ведь это Пушкин, владеющий методологией различения Добра и Зла, обладающий цельностью и диалектичностью мировосприятия, хорошо знающий не только опекунов Моисея, но и опекунов всех других пророков, и Исайи в том числе.

Знал Пушкин, что если пророк не выполняет строго волю опекунов, то его можно и камнями побить, как Иеремию, и на кресте распять, как Иисуса Христа. Опекуны-фарисеи, превращая подлинные слова таких пророков в басни-откровения от лица мифических матфеев, марков, иоаннов, лепят из них для употребления верующих культ либерала и демократа. Делалось это путем мелких, незаметных искажений, извращений, подмены понятий в основных мыслях, как правило, после смерти пророков. А поскольку сами пророки только говорили, то всегда находился "Левий Матвий" с козлиным пергаментом, готовый придать нужное содержание доступным для верующих формам пророчеств. Пушкин, видимо, разгадал эту технологию сотворения зла, о чем и предупредил в одном из своих писем Жуковского: "После твоей смерти все это напечатают с ошибками и с приобщением стихов Кюхельбекера. Подумать страшно!"(Ист.7, с.111). Ну а мы видим, как современный Левий Матвий - Томашевский и К, - успешно продолжая дело своих праотцов-фарисеев, делают из политического бойца Пушкина умеренного либерального демократа. Далее мы будем демонстрировать методы обрезания и вытягивания, с помощью которых современные фарисеи пытаются сделать из Пушкина послушного им "Пророка".

До 1917 года культ таких демократов лепился от имени Бога, после октября 1917 года - от имени народа, но цели опекунов оставались неизменными и сформулированы они достаточно определенно: "Если вы не будете мешать наполнять содержанием нашу программу на уровне бытия, то мы позволим вам играться формами на уровне сознания." Так бытие имеющих деньги стало определять сознание тех, кто денег не имеет.

Окончательно свои отношения с пророками и их опекунами Пушкин уладит ровно через 4 года в знаменитую Болдинскую осень 1830г., когда в полном уединении заглянет в кладезь народной мудрости: "... провидение - не алгебра; ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик. Он видит общий ход вещей и может выводить из оного (разумеется, из понимания общего хода вещей, а не ума: авт.) глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть случая — мощного мгновенного орудия Провидения". Из понимания общего хода вещей можно вывести "глубокие предположения", а не "глубокое предположение". Поэтому "ум человеческий" - не "ПРОРОК", а "УГАДЧИК".

И не "всегда", а "часто" эти предположения оправдываются временем, поскольку частота зависит от "глубины" постижения "общего хода вещей" умом. Пророк глубиною понимания общего хода вещей не обладает, ибо имеет право на одно единственное предположение, продиктованное ему Господом Богом. А Господь Бог - единственное существо в мире, которое никогда не ошибается. Если же Господь Бог ошибся, то творящие культ Бога о лжепророчествах просто умалчивают. Такова техника этого дела.

Пушкин глубоко понимал "общий ход вещей", и потому его предположения были очень глубокими, т.к. ОБА варианта будущего, изложенные в "Андрее Шенье", полностью оправдались временем. Они сбылись в течение одного столетия. Вот первый. Шенье перед казнью, размышляя о своей судьбе, обращается к палачам-революционерам:

"Гордись, гордись, певец; а ты, свирепый зверь,
Моей главой играй теперь:
Она в твоих когтях.
Но слушай, знай, безбожный:

Мой крик, мой ярый смех преследует тебя!
Пей нашу кровь, живи, губя:
Ты все пигмей, пигмей ничтожный.
И час придет... и он уж недалек:
Падешь, тиран! Негодованье
Воспрянет наконец. Отечества рыданье
Разбудит утомленный рок.
Теперь иду... пора... но ты ступай за мною;
Я жду тебя "

Известно, что в России 14 декабря переворот не удался, а 22 мая 1826 года в письме к П.А.Вяземскому Пушкин запишет: "Как же ты можешь дивиться моему упрямству и приверженности к настоящему положению? Счастливее, чем Андрей Шенье, я заживо слышу голос вдохновения".

Однако, "вечные странники революционной перестройки" преодолели столетие спустя "разрыв времени" и навязали русскому народу свое понимание общего хода вещей, количество крови народной было пролито много больше, чем 13 июля 1826г. Но в обоих вариантах гибли лучшие люди Отечества. В этих страшных катаклизмах истории России, повторившихся в течение столетия в отдельных ключевых моментах с точностью до одного года, "штурманы будущей бури, - эти современные Агасферы, одни остаются и по сей день "неуловимыми мстителями".

Долгие сорок лет я старательно обходил стороною "Пророка", а вот, спасибо "строгому историку" Гефтеру - примирил он меня, пятидесятилетнего, с чистой и легко ранимой душою мальчишки. И стало мне понятно, что душа то была цельная и по-детски искренняя, не принимающая жестокости даже во имя великой цели. Не приняла она жестокостей "шестикрылого пернатого" по отношению к любимому ею поэту:

И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.

Представьте себе мальчишку, наделенного от природы богатым воображением, с душою легковерной и нежной. Он принимает этот рассказ буквально и ничего, кроме жалости к поэту, изуродованному столь садистской экзекуцией, испытывать не может. Аллегория! Образ! Символ! Оно, может, разуму и понятно, но... душа не принимает! Ибо, пока еще душа эта цельная, не разрушенная противоречиями действительности, весь окружающий мир воспринимает цельным. Такая душа - своеобразный "щит Персея" - до поры до времени защищает сознание ребенка от разрушительного воздействия сомнения. В 1824г. в заметках о стихотворении "Демон" Пушкин напишет об этом с присущей ему точностью и опрятностью: "...я вижу в "Демоне" цель более нравственную. Не хотел ли поэт олицетворить сомнение? В лучшее время жизни сердце, не охлажденное опытом, доступно для прекрасного. Оно легковерно и нежно. Мало-помалу вечные противоречия существенности рождают в нем сомнение, - чувство мучительное, но непродолжительное... Оно исчезает, уничтожив наши лучшие и поэтические предрассудки души... Недаром

великий Гете называет вечного врага человечества - духом отрицающим... И Пушкин не хотел ли в своем "Демоне" олицетворить сей дух отрицания или сомнения и начертать в приятной картине печальное влияние его на нравственность нашего века?" (Ист.16, с.646-647).

В этих кратких, но очень содержательных заметках - ответ на зубовный скрежет Гефтера по поводу отказа Пушкина от "иудейского протагонизма" и скорой замены темы "Пророка" темой "Стансов". Да, противоречие суровой действительности: долгая, без всяких объяснений, опала и неожиданная милость нового императора породили в нем естественное сомнение - " куда ж нам плыть?" После аудиенции с Николаем I в минуту "духовной жажды" - сомнения. На "перепутье" появляется "шестикрылый серафим" (возможно, наугад перед сном открытая страница Библии на 6-й главе книги "Пророка Исайи") В результате - рождение "Пророка", который есть проявление "духа отрицающего" сущность самого поэта, т.е. отказ от самого себя и одновременно согласие быть исполнителем чужой воли. Это чувство мучительно(отсюда столь кровожадные аллегории, коими наполнены книги библейских пророков), но, к счастью, непродолжительное, и, что особенно важно, это чувство исчезает, уничтожив только ему, Пушкину, присущие поэтические, но все-таки предрассудки души. И вот сомнения преодолены, дух отрицающий отторгнут, и снова:

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни...
("Стансы")

В этом преодолении чувства мучительного, но непродолжительного(сомнения) - проявление цельности мировосприятия поэта, вечной молодости его доброго сердца, всегда доступного чувству прекрасного и неподвластного силам зла.

Здесь мы видим свидетельство борьбы сознания и подсознания гения Пушкина. На уровне сознания - понимание, кто есть Моисей, кто есть Иегова, и отсюда:

С рассказом Моисея не соглашу рассказа моего
Он вымыслом хотел пленить еврея и т .п..

А на уровне подсознания, как христианин, воспитанный в почтении к догмам "Ветхого Завета", поэт попадает в ловушку, уготованную иудейским пророком Исайей:

Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
"Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей... "

Однако Пушкин оказался по уровню понимания выше Иакова-Израиля(см.прим.8), т.к. в борьбе с самим собой, т.е. в борьбе сознания и подсознания он вышел победителем в отличие от праотца еврейского племени. Да и с Богом ли боролся легендарный Иаков? Ведь Бог света (зари) бояться не должен, света страшится Сатана, и не с ним ли заключил союз Израиль?

Значит, и в моем детском сердце, легковерном и нежном, было неприятие духа отрицания, разумеется, неприятие неосознанное, но по-своему созвучное с душою поэта.

Текст заметок "О стихотворении "Демон" дан по Морозову. Сверяю с Томашевским, и снова "обрезание и вытягивание". Фраза "Не хотел ли поэт олицетворить сомнение?" урезана полностью (урезать, так урезать!), а выражение "Оно исчезает, уничтожив наши

лучшие и поэтические предрассудки души" вытянута добавлением слова "надежды" после слова "лучшие" и с заменой "наши" на слово "навсегда". Ну а конец последней фразы вообще переиначен. Если у Пушкина она заканчивается вопросительно: "...и начертать в приятной картине печальное влияние его на нравственность нашего века?", то у Томашевского вопросительный знак исчез, и окончание звучит так: "и в сжатой картине начертал отличительные признаки и печальное влияние оного на нравственность нашего века". (Ист.6, с.37).

Ну, скажет читатель, это с точки зрения ребенка. Пушкин же писал "Пророка" не ребенком, он создавал художественное произведение по законам творчества. Что ж, верно! Посмотрим, как этот процесс видится с позиции художника. Известно, что деятельность подлинных художников-мастеров всегда направлена на сохранение и созидание духовных богатств общества. Еще И.А.Ефремов в "Часе Быка" отмечал, что сберечь их можно лишь в действии, в активной борьбе со злом, в неустанном труде. Борьба эта совсем не обязательно требует уничтожения. Известно, что в духовно здоровом обществе в этой части активно проявляет себя фактор отражения, психологического отбрасывания всех проявлений зла. Пользование им в принципе доступно каждому человеку при соответствующей тренировке и при наличии неразрушенной цельности мировосприятия. Для того, чтобы высшие силы человека ввести в действие, нужна длительная подготовка, точно такая же, которую проходит художник, готовясь к творчеству, к высшему полету своей души, когда как будто извне приходит великое интуитивное понимание. Войти в это состояние художник может лишь последовательно проходя три этапа: от отрешения через сосредоточение к явлению познания. Состояние отрешения необходимо для живого созерцания, сосредоточение - для осмысления многообразия фактов жизни посредством абстрактного мышления. Явление познания завершает весь процесс, давая возможность практически реализовать творческий замысел.

Так художник проходит диалектический путь познания истины, познания объективной реальности, и всего этого "шестикрылый серафим" его лишает. Ибо какое может быть состояние отрешения и сосредоточения, когда "вещие зеницы" вместо того, чтобы быть прикрытыми, вздрагивают, "как у испуганной орлицы", а уши "наполняются шумом и звоном". Уж не шестикрылый ли серафим наполняет им в наше время весь эфир 24 часа в сутки? Может, потому и бегут подлинные художники из городов в глубь лесов, чтобы подготовить себя к творчеству, к высшему полету души и вновь обрести утраченный зеркальный щит Персея. Полагаю, таким образом Пушкин свои отношения с "пророками", их "опекунами" как-то уладил.

Отношения с Сыном Божьим, как было показано выше, ясно сформулированы им самим. Об отношениях же поэта с богами можно судить по высказываниям одного из ближайших его друзей В.А.Жуковского, изложенных в письме от 1 июля 1823г.: "Обнимаю тебя за твоего "Демон". К черту черта! вот... твой девиз. Ты создан попасть в боги - вперед! Крылья у души есть, вышины она не боится: там настоящий ее элемент. Дай свободу этим крыльям, - и небо твое: вот моя вера". (Ист.16, с.648). Однако сам Пушкин предпочитал верить не в слепоте, а в зрячести, ибо понимал огромную разницу между богами и культами богов, и потому окончательное суждение по столь деликатному вопросу изложит 8 июня 1834г. в письме к Н.Н.Гончаровой: "Я, как Ломоносов, не хочу быть шутом ниже у Господа Бога". (Ист.7, с.331), Что это значит? Ведь Пушкин понимал, что подлинные Боги шутовства веры не приемлют. К слову Бог приставка Господь пришла не случайно: творящим культ Господина не дано отличать веры слепой от веры зрячей. Более того, вера в слепоте для них предпочтительней, т.к. слепо верующий уже не может отличить шутовство веры от веры в шутовство.

3. ПУШКИН О ШУТАХ И ШУТОВСТВЕ

На 38-м листе пушкинской тетради N 2368, где рукой поэта нарисованы ворота, крепостной вал и виселица с пятью повешенными, есть надпись "И я бы мог, как шут на..." (Ист.27). Рисунок повторяется дважды: вверху и внизу листа. На нижнем рисунке эшафота шестая фигурка явно убегает от виселицы, и потому рисунок этот глубоко символический. Пушкин не только не писал, но и не рисовал ничего напрасно. Известно, что смерть на виселице всегда была казнью позорной. Сложить голову на плахе во все времена считалось делом более героическим, а повешенный болтается как шут.

Декабриста И.Д.Якушкина, видимо, покоробила эта надпись, и он слово шут в 1884г. в своем труде о декабристах (Ист.27, с.529) заменил на "тут", сделав из глубоко-символической пушкинской надписи разъяснение, схожее с теми, что обычно давались к примитивно-лубочным картинкам, которые всегда начинались словами: "тут изображено" и т.д. Графический метод исследования показал, что Пушкин нигде "т" как "ш" не писал.

То, что многие и в прошлом, и в настоящем пытались прочесть Пушкина применительно к своему пониманию действительности, - беда невелика. Плюрализм мнений допустим, однако Мир познаваем и целостен, следовательно, истина всегда одна. Время - лекарь добросовестный; с его помощью ложные мнения отваливаются от живого тела истины, как отболевшая и омертвевшая короста, и тогда ложное прочтение пушкинских творений - это всего лишь беда "непонимающих". Но то, что Пушкина полтора столетия искажают в угоду конъюнктуре момента, - это уже не беда, а вина "непомнящих родства своего".

Искажение декабристом И.Д.Якушкиным пушкинской надписи скорее шло из его непонимания Пушкина, о чем он говорит в своих воспоминаниях о первой их встрече: "Пушкин был чрезвычайно неловок в обществе, корчил иногда лихача, причем рассказывал про себя отчаянные анектоды, и все вместе выходило как-то очень пошло" (Ист.27, с.523). Однако полвека спустя слово Пушкина сильно прибавило в весе, и, видимо, Якушкин убедился, что позиция Пушкина в отношении тех или иных исторических событий оказалась ближе к реальной жизни, чем позиции его современников. Известно, что у шутов своей позиции не бывает - они всегда на чьем-то содержании. Признать, что все его "товарищи", а, следовательно, и он сам были всего лишь марионетками в чьих-то умных руках, преследующих более далекие стратегические цели, - это, согласитесь, потяжелее, чем признать свое поражение на Сенатской площади. Надо было как-то спасать положение. Нет, Якушкин не спутал пушкинское "ш" с "т". Просто в самом начале своего жизненного пути он и его "товарищи" - братья по "ложам" - в силу своей абсолютной благонамеренности к лозунгам, исходящим с верхних этажей интернационального трехэтажного здания, спутали красивую заграничную упаковку слов "свобода, равенство, братство" с их подлинным содержанием. А в такой ситуации, действительно, любые благие намерения будут всего лишь камнями, которыми "случай - мощное, мгновенное орудие Провидения" выкладывает дорогу ученикам, товарищам, да и мастерам в ад.

Обычная человеческая глупость - это топливо, благодаря которому штурманы будущих бурь приводят общество-корабль в движение; благонамеренная глупость - это пища рулевых, с помощью которых штурманам удается удерживать корабль на заданном курсе.

Красноречивым примером такой благонамеренности может послужить статья "Дар" популярного советского пушкиниста с примечательной фамилией В.Непомнящий (Ист.28). Автор, претендуя на создание духовной биографии Пушкина (статья "Заметки о духовной биографии Пушкина" приурочена к 190-летнему юбилею Первого Поэта России), строит все свои умоположения в отношении духовного облика поэта, отталкиваясь от четырех слов, приписываемых Пушкину Томашевским и К. С них он начинает свое исследование (Ист.28, с.244), ими же и заканчивает его: "История со стихотворением "Дар напрасный..." была

счастливым случаем, тем самым случаем, который, по Пушкину, есть "мощное, мгновенное орудие Провидения" (Ист.28 с.260), Одно из двух. Либо В.Непомнящий никогда не читал 3-ю статью Пушкина по поводу "Истории Русского народа" Н.Полевого в подлиннике, и тогда он просто "непонимающий" Пушкина, т.е. всего лишь марионетка в руках фирмы "Томашевский и К". Либо он все знает, и тогда он действительно "непомнящий родства своего", состоящий на содержании этой фирмы, усердно пытающейся привить нам убеждение в том, что мир непознаваем, и все исторические события, происходящие в нашей стране, это всего лишь затейливая игра случая, который тогда уж действительно мощное, мгновенное орудие раввинского Провидения.

Кстати, представители этой фирмы слово "шут", так покоробившее вернувшегося из ссылки декабриста И.Д.Якушкина, в своих правах восстановили, однако сам метод подделки стали использовать шире и наглее. Достойные потомки "перетцев" подлинную цену шутам знают, как знают и то, что музыку шутам всегда заказывают ротшильды, симановичи, гинцбурги и хаммеры. Пушкинского разоблачения шутовства они не простили русской поэзии. Вот почему, злодейски убив преемника Пушкина 20-го века Есенина, убийцы повесили его на трубе парового отопления в номере 5 ленинградской гостиницы "Англетер" в ночь с 27 на 28 декабря 1925г. (14 декабря 1925г. - по старому стилю). В течение последних полутора лет за Есениным велась беспрерывная слежка. Поэта объявили антисемитом, что по тем временам расценивалось как одно из самых тяжких уголовных преступлений. Ему грозил суд, и он был вынужден по совету сестры скрываться в психиатрической лечебнице от ведущего его дело судьи еврея Липкина. Дошло до того, что он готов был инсценировать свои похороны, чтобы скрыться от преследователей. Из Москвы Есенин уехал неожиданно 23 декабря 1925г., т.е. фактически бежал из своего убежища к месту собственной казни. Итак, время - 14 декабря 1925г., место - гостиница "Англетер", ближайшая к Сенатской площади, номер в гостинице - пятый, равный числу повешенных, неожиданное прибытие в город, где совершена казнь, не слишком ли много случайных совпадений, которые попахивают странными закономерностями, а само убийство русского поэта принимает оттенок ритуального и хорошо спланированного убийства.

Андрей Шенье передал свою эстафету не Пушкину, а Есенину. Повешенных стало шесть, что строго соответствует канонам строителей храма Соломона, нагло попирающих законы любой страны под сенью шестиконечной звезды Давида. Так преодолевался пресловутый "разрыв времени", который, по мнению Гефтера, несправедливо растянулся на целое столетие. То, что не удалось сотворить с Пушкиным, свершилось с Есениным.

О подробностях убийства Есенина и инсценировке его самоубийства читателям поведал полковник МВД Эдуард Хлысталов в статье "Тайна гостиницы "Англетер" (Ист.29). Исполнители этой ритуальной казни думали, что они убивают и вешают русского поэта Есенина, но те, кто стоял за ними, совершали ритуальный акт удушения всей русской поэзии, которая одна уже более ста лет гордо противостоит их черным замыслам. И не случайно последние строки пушкинских стихов "Мне жаль великия жены..." у Морозова звучат так:

Россия - бедная держава:
С Екатериной умерла
Екатерининская слава!
(Ист.16, с.382)

У Томашевского, Брокгауза-Ефрона - совсем иначе:

Россия, бедная держава,
Твоя удавленная слава

С Екатериной умерла.
(Ист.15, с.231; ист.27 с.258)

Да, подлое дело удушения русской славы начали еще Брокгауз и Ефрон, но по сравнению с Томашевским и К они вели себя осторожнее, сопровождая свою работу надписями типа: "Окончательно не отделано Пушкиным". Советские пушкинисты уже ничего не боятся и смело "отделывают" Пушкина окончательно.

Не случайно после убийства Есенина Авербах, Луначарский, Бухарин, Крученый, Друзин и другие развернули кампанию по представлению всей жизни Есенина, как цепи шутовских похождений пьяного гуляки. Так они отмывали руки, замаранные кровью русской поэзии. Не один я увидел связующие нити в трагической судьбе двух русских поэтов. Сразу после гибели Есенина поэтесса В.Звягинцева написала:

Еще одно дурное дело
Запрячет в память Петербург, -
Там пуля в Пушкина летела,
Там Блоку насмерть сжало грудь...
(Ист. 29)

В 1925г. в самоубийство Есенина никто не поверил, но русский народ, никогда не страшившийся никаких внешних врагов, затравленно молчал. Над каждым висел топор "закона об антисемитизме", который действует и поныне. Это самый позорный из всех законов, когда-либо существовавших в России. На основании этого закона, изданного строго в соответствии с положениями библейской книги "Эсфирь", вот уже 70 лет ведется геноцид в отношении русской культуры.

Но время идет. Настала пора духовного возрождения не только "малых", но и "больших" народов. Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Блок, Есенин, Клюев, Рубцов, смело поднимавшие голос против "кочевых демократов" при жизни, снова поднимаются в бой за возрождение русского народа.

И в этой борьбе Пушкин по-прежнему Первый Поэт России. Пришло время снять завесу с его острополитического творчества, которую десятки лет искусно плели советские пушкинисты.

4. ПУШКИН И ИЕРОФАНТЫ

Наше предисловие к "Домику в Коломне" несколько затянулось, но и пушкинское предисловие составляет почти половину всей повести - 22 строфы. Число это взято Пушкиным не случайно, как не случайно "Томашевский и Ко" убирали из основного текста предисловия 14 строф.

Что же означает число 22? В начале XX века в Саккаре археологи вскрыли склеп, в котором были погребены останки древнеегипетского зодчего, современника Имхотепа (правление фараона Джосера, древнее царство XXVIII в. до н.э.), по имени Хеси-Ра, т.е. "Отмеченный Солнцем". В склепе обнаружено 11 деревянных панелей, на которых в зашифрованном виде на лицевой и тыльной сторонах изложены тайны гармонии. Итого 22 поля, несущие человечеству информацию чрезвычайной важности. В настоящее время тексты панелей расшифрованы архитектором, лауреатом Государственной премии РСФСР И.П.Шмелевым. Они сообщают о высочайшем уровне абстрактного (логического) мышления выдающихся интеллектуалов Древнего Египта (Ист.30). Одна из основных тайн, расшифрованных ученым, повествует на языке геометрических символов о принципах

"золотого сечения", которые по существу являются формальным выражением универсального феномена природы - гармонического резонанса. В основе гармонического резонанса лежит информационный резонанс, или "третья сигнальная система" (Ист.31).

И.П.Шмелев показывает, что основные научные положения Древнего Египта были сформулированы в 22 арканах, сгруппированных в два блока по 11 арканов в каждом. "Мозговым трестом" Древнего Египта, как известно, были иерофанты (читающие судьбу или знающие будущее) - хранители герметических знаний, в число которых входили и знания о гармонии. Геометрическая интерпретация этих знаний (правило "золотого сечения") выражается через подчинение размеров какого-либо архитектурного сооружения правилу дихотомии (октавному принципу).

Читатель удивлен. При чем здесь египетское жречество и Пушкин? Предисловие "Домика в Коломне" содержит 22 строфы, строго разделенных на два блока по 11, и каждая строфа не просто несет определенную информацию, но и подготавливает читателя на уровне информационного резонанса, или третьей сигнальной системы к восприятию основного текста поэмы, изложенного в последующих 30 строфах поэмы.

Двенадцатая строфа предисловия "Домика в Коломне" начинается так:

Немного отдохнем на этой точке.
Что? Перестать, или пустить на пе?..

"Пустить на пе" в карточной терминологии означало - повторить ставку. В дальнейшем, чтобы внести ясность, нумерацию строф будем вести по Морозову. Разумеется, она не совпадает с порядком номеров строф у Томашевского. Полный текст "Домика в Коломне", составляющий 54 строфы, также не является случайным: колода карт для игры в "покер" составляет число 54. Из них две последние карты называются "жокер", т.е. чистыми. В картах "жокер", или, точнее, "джокер" (от английского слова "joker" - шутник, шут) изображены лица в шутливых колпаках. В играх "джокер" может заступать роль любой карты по усмотрению владельца. Две последние строфы "Домика в Коломне" - 53, 54 - Пушкинское резюме, краткое послесловие к якобы шуточной бытовой истории. Однако "шутил" Пушкин довольно крупно.

С точки зрения древнеегипетских жрецов Пушкин был иерофантом, т.е. человеком, владеющим тайной познания будущего. Но он еще был и величайшим художником и потому отображал свое понимание будущего в художественных образах. Настоящим художником-мастером (писателем, поэтом, композитором, скульптором, живописцем, архитектором и т.д.) может быть только тот, чьи произведения способны жить в любое время, т.е. они как бы вне времени, и воды Леты перед ними бессильны. При этом использование языка образов помогает художнику донести новым поколениям основные понятия, особенно в нравственной сфере, цельными. И чем богаче язык общения, которым владеет художник, тем надежнее защищена цельность этих понятий, тем сложнее интерпретаторам - "подставным", а не "почтовым" лошадям просвещения осуществлять нужную им подмену понятий.

О языке Пушкина. Известно, что люди нашей планеты, независимо от языка общения, пользуются примерно равным количеством "гласных" и "согласных" звуков, а в то же время письменность с развитием человечества развивалась в основном в двух направлениях: фонетическом и иероглифическом. Иероглиф - это идеограмма, образ, символ. Отсюда иероглифические, сформировавшиеся на основе идеографической письменности языки (японский, китайский и т.д.), - это в основе своей языки образные. Чтобы отобразить весь огромный, вечно меняющийся мир в образах-символах, необходимо иметь иероглифов как

можно больше. Фонетические языки, формировавшиеся на основе фонетической письменности, имея небольшое количество фонем-букв, отображают мир через бесконечно большой их перебор. Отсюда их название - логические. В этом условном делении письменности на логическую и образную нет ничего удивительного, ибо оно в какой-то мере отражает строение головного мозга человека, который состоит из правого полушария, отвечающего за его образное мышление, и левого - за логическое (Ист.32). Говорить о преимуществах той или иной письменности так же бессмысленно, как говорить о важности для человека левой или правой руки. В этом случае речь может идти лишь о "правше" и "левше". Для развития человека одинаково важно и образное, и логическое мышление, но гармоническое развитие предполагает наличие взаимного контроля со стороны обоих полушарий. Гипертрофированное развитие одного из них делает человека одинаково ущербным в общении его с окружающим миром и друг с другом.

Особенность иероглифического языка - это тайная символическая охрана основных понятий, закрепляющих связь человека с природой, перемены в которой происходят медленее, чем перемены в социальной жизни самого человека. Иероглифические языки, закрепляя связь человека с природой, как бы обеспечивают определенную устойчивость мировосприятия человека, который сам является частью природы. Таким образом, природа в этой части как бы сохраняет и свою целостность. Но именно это обстоятельство входит в диалектическое противоречие со стремлением человеческой мысли к истине, т.е. к более точному и полному отражению окружающего мира. Тут требуется соразмерность глубины и ширины постижения мира. В динамике развития Человечества в целом этот процесс постижения человеком окружающей действительности происходил диалектически при взаимном проникновении отличностей (отличности не обязательно противоположны) друг в друга. Иероглифическое письмо, удовлетворяя естественное стремления Человечества к сохранению цельности своего мировосприятия, как бы оберегало содержание основных понятий от натиска вечно меняющихся их форм. Здесь иероглиф, выполняющий функцию образа-символа, действительно помогал Человечеству пронести через тысячелетия неизменным содержание своих основных понятий, обеспечивая тем самым и необходимую глубину постижения Мира каждому отдельному человеку.

В то же время другое естественое стремление Человечества к расширению сферы познания наталкивалось в лице иероглифического письма на определенную окаменелость форм. В рамках всего Человечества борьбу с консервативностью форм как бы вела фонетическая письменость, обеспечивая конкретному человеку необходимую широту постижения Мира. Люди, проживая в едином и цельном мире, общаясь между собой, создают условия, в которых образный и логический языки, сталкиваясь через переводчиков, взаимно друг друга дополняют.

В этой условной борьбе двух противоположных письменностей для каждого конкретного человека, живущего в конкретное историческое время, в конкретном уголке земного шара и пользующегося конкретным фонетическим или иероглифическим языком, есть свои утраты и приобретения. Приобретением можно считать большую широту охвата явлений окружающего мира, утратой - потери понятийной нагрузки слов, извращение самих понятий, что неизбежно сопровождается дроблением сознания человека, т.е. утратой в какой-то мере целостности его мировосприятия. При этом снижается уровень глубины постижения явлений того же самого мира. Эти противоречия естественны, ими движется саморазвитие мысли, и оно предусмотрено самой природой в особом устройстве человеческого мозга, о котором сказано выше. Левое и правое полушария мозга благодаря наличию обратных связей взаимно контролируют друг друга и обеспечивают гармоническое развитие как отдельного человека, так и Человечества в целом. Так природа на основе саморазвития разрешает это естественное противоречие, причем разрешает созидательно в интересах всего Человечества.

Пушкин был не абстрактным, а конкретным человеком, жил и творил в конкретное историческое время на земле России и пользовался конкретным фонетическим языком - русским. Как же ему удавалось в своем творчестве преодолевать ту односторонность, которая неизбежно сопутствует человеку, пользующемуся фонетическим письмом? Что нас более всего поражает в его творчестве? ОБРАЗНОСТЬ! Чтобы создавать творения, а не поделки, необходимо владение основными законами гармонии. При богатстве русского языка его возможности в широте охвата всего многообразия явлений мира действительно уникальны. Но творения Пушкина поражают своею глубиною. Чем же она достигалась? СИМВОЛОМ! Причем символика Пушкина имеет поразительно широкий спектр, т.е. он свободно оперирует всеми типами символов: философским, художественным, мифологическим, религиозным и научным. В диалектическом сочетании этих типов символов с аллегорией, художественным образом, метафорой, типом и мифом и кроется тайна соразмерности ширины и глубины постижения Пушкиным явлений мира, удивительной гармонии, законченности и цельности его произведений. Пушкин словно с одинаковым успехом владел не только фонетической, но и иероглифической письменностью. Те, кто знаком с тетрадями его рукописей, обнаружат в них то, чего нет ни у одного художника слова, начиная с Гомера, - знаменитые по изяществу и живости его рисунки. Это и есть образы-иероглифы. Они сохраняют глубину понятий и доступны не каждому. С их помощью Пушкин одновременно писал иероглифами-рисунками, переводя их в привычный читателю и ему как творцу язык фонетический, логический, но при этом образы-символы уже жили своей собственной жизнью. При этом вечно стремящийся к истине разум, бесконечно расширяя круг понятий о явлениях мира, словно приобретал универсальный инструмент для более полного отображения соразмерной ширины и глубины этих понятий. Видимо, это обстоятельство имел в виду Пушкин, когда в номере третьем "Современника" краткой статьей "Об обязанностях человека" заметил: «Разум неистощим в соображении понятий, как язык неистощим в соединении слов. Все слова находятся в лексиконе... мысли же могут быть разнообразны до бесконечности» (Ист.6, с.472). Так рождался образно-логический язык, неповторимый язык гармонии Пушкина.

Овладев тайнами гармонии, поэт овладел тайной вечности своих творений. Многим иностранцам непонятна наша любовь, наша приверженность, наше восхищение языком Пушкина. Переведенный даже самым искусным переводчиком на любой другой язык - фонетический, или иероглифический - он утрачивает какие-то свои особенности, оттенки. Он перестает быть языком образно-логическим, а пушкинские творения становятся либо французскими, либо японскими. В каждом народе есть свои мастера слова, а сравнение идет по вершинам. На это обстоятельство обратил внимание русский поэт и писатель В.Набоков. "Пушкин, или правда и правдоподобие". Вынужденный покинуть Россию во времена революционных потрясений, он, видя равнодушие иностранцев к творениям Пушкина на английском языке, решил исправить положение, т.е. заняться переводами пушкинской поэзии. Казалось, само Провидение представило тот самый случай, который мог бы доказать несостоятельность всего вышеуказанного, - Набоков к тому времени был уже признанным поэтом и писателем на языке англичан. Но... ничего не получилось, по собственному признанию Набокова: "Определенно наш поэт не привлекает переводчиков... как только берешься за перо переводчика, душа этой поэзии ускользает, а у вас в руках остается только маленькая золоченая клетка" (Ист.33). Другими словами, Набоков признает, что Пушкин ловко надул "культурных посредников" - переводчиков. Ведь он не дал ни одному из них хорошо заработать на своем творчестве. Согласитесь же, что такой талант не может не вызвать зубовного скрежета у "скупых рыцарей". Вот почему переводчики - эти "подставные лошади просвещения", по образному выражению Пушкина, - "не любят" переводить его - он не поддается, "птичка" улетает, а за пустую, хоть и золоченую клетку читатель платить не желает.

Чтобы переводить на другие языки творения Первого Поэта России, переводчик прежде всего должен научиться понимать образно-логический язык Пушкина. Сам Пушкин никогда прямых переводов не делал, хотя в совершенстве владел французским, неплохо знал английский, немецкий, итальянский, латынь, греческий. Читал на испанском и на других языках. Он не подражал другим поэтам, а ставил себе планку выше и поднимался в СОтворении на новую высоту постижения тех явлений мира, которые были схвачены и отображены другими поэтами всех времен и народов. Так создавался язык Пушкина, так обогащался им великий русский язык.

Неудивительно, что многие современники не могли подняться до Пушкина, и его "Домик в Коломне" был "принят за признак конечного падения нашего поэта" (Ист.9, с.452). Словно предчувствуя это, Пушкин 2 октября 1830г., т.е. за три дня до завершения первых 11 строф "Домика в Коломне" принимается за статью "Критические заметки", в которой он раз и навсегда хотел объясниться со всеми критиками, как современными, так и будущими. Эта статья была последним толчком к созданию "Домика в Коломне", ибо работая над ней (а работа с перерывами продолжалась вплоть до 1831г.), он понял тщетность такого объяснения на общепринятом в те времена да и сейчас языке формальной логики и потому в самом начале статьи обращается к языку символов и образов: "У одного из наших известных писателей спрашивали, зачем не возражает он никогда на критики. - Критики не понимают меня, отвечал он, - а я не понимаю критиков. Если будем сердиться перед публикой, вероятно, и она нас не поймет, и мы напомним старинную эпиграмму:

Глухой глухого звал на суд судьи глухого.
Глухой кричал: "Моя им сведена корова!" -
Помилуй! возопил глухой тому в ответ:
Сей пустошью владел еще покойный дед!
Судья решил: "Почто идти вам брат на брата?
Не тот и не другой, а девка виновата!"
(Ист.2, с.268-269)

Вот почему Пушкин, "не сердился и молчал", когда "Домик в Коломне", "почти всеми был принят за признак конечного падения нашего поэта". Именно в этой статье он обронил по поводу публики и критики: "К несчастию замечал я, что по большей части мы друг друга не понимали". Беда критиков-современников Пушкина состояла в том, что "их поэт" и подлинный Пушкин были разного уровня миропонимания.

Не намного выше оказались и мои современники (см. Примечание к "Домику в Коломне" Томашевского). Таким образом каждый новый "пушкинист" изо всех сил стремился опустить Пушкина до уровня своего миропонимания и мало кто стремился подняться до уровня миропонимания Пушкина. А ведь предвидел и это наш поэт, когда в письме А.П.Вяземскому в сентябре 1825 года писал: "Он (речь идет о Байроне: авт.) исповедовался в своих стихах, невольно увлеченный восторгом поэзии. /.../ Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могучего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. Он мал как мы, он мерзок как мы! Врете, подлецы: он и мал, и мерзок - не так, как вы - иначе!" (Ист.7, с.137). Вот это-то "иначе" и есть то самое, непреодолимое для многих пушкинистов, ибо идут они от понимания своего "Я" к поэту, а не от Пушкина к пониманию своего "Я". Чтобы преодолеть это пресловутое "иначе", необходимо пройти хотя бы курс обучения "начальной школы", которая, возможно, позволит обрести "ключи" постижения тайн языка Пушкина, составляющего основу его творчества.

5. УРОК НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Любознательный читатель спросит: "Где же существует такая школа?" У Пушкина, уважаемый читатель, у Пушкина! Обратитесь к его стихотворению "В начале жизни школу помню я" (Ист.34, с.201). Желающие войти в "храм", который Пушкин создавал и который скромно назвал "Домик в Коломне", должны пройти пушкинскую школу начального обучения. Только после этого они смогут стать обладателями "ключей" к дверям "Храма". Пушкин учитель строгий и заботливый. Стихи написаны им в болдинский период вскоре после завершения "Домика в Коломне". В этом я вижу проявление заботы о тех, кто пожелает войти в его "храм". Строгость же учителя проявляется в его требовании самостоятельности работы ума. И вот я решился пройти начальный курс обучения и готов поделится с читателями своим скромным опытом. Отправным моментом мне служило собственное стремление к восстановлению целостности мировосприятия.

В начале жизни школу помню я;
Там нас, детей беспечных, было много;
Неровная и резвая семья.

Дети все природою от рождения наделены (в неравной степени, конечно) целостностью мировосприятия. Потому-то они так болезненно реагирует на проявление зла, на подмену понятий "добра" и "зла", пока взрослые дяди и тети сладким голосом не объяснят им "полезность" такой подмены. Эту миссию дробления детского сознания с последующей ее стерилизацией во времена Пушкина осуществляла Церковь, особа с виду смиренная и величавая, но охранные функции в отношении развития сознания исполняющая строго.

Смиренная, одетая убого,
Но видом величавая жена
Над школою надзор хранила строго.
Толпою нашею окружена,
Приятным, сладким голосом, бывало,
С младенцами беседует она.

Обладая целостностью мировосприятия, Пушкин хорошо видел хитроумную подмену понятий, совершаемых церковью, т.е. понимал, что скрыто за покрывалом церковных таинств, и потому считал возможным иметь собственное представление об основных нравственных ценностях и о путях развития мира человеческих отношений, независимо от смены религиозных воззрений, которые лишь отслеживают путь социального развития человечества.

Ее чела я помню покрывало
И очи светлые, как небеса,
Но я вникал в ее беседы мало.
Меня смущала строгая краса
Ее чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса.

Слушая юбилейную пушкинскую передачу по центральному телевидению 6 июня 1989 г., я поражался рассуждениям современных пушкинистов (кажется, ведущим передачу был все тот же В.Непомнящий) об эволюции религиозных взглядов поэта от атеизма до осмысленного христианства. Сразу видно, что никто из них даже не пытался пройти курс начального обучения в школе Пушкина. Сейчас у нас "плюрализм" мнений, который современные плюралисты хотят свести к плюрализму выводов. Плюрализм этот, как всегда, однобокий. В его программу входит широкое обсуждение любых идеологий, в том числе и религиозных, ибо сейчас это модно.

И вот что странно и непонятно в этом обсуждении. Все признают, что Человечество едино. Религиозные воззрения возникают в разные исторические эпохи, в разных исторических общностях, но раз Человечество едино, то и развитие религиозной мысли в едином Человечестве должно объединяться неким связующим началом. Познать, а следовательно, и понять это связующее начало духовной жизни конкретному человеку как части всего Человечества, разделенного рамками исторических эпох, национально-культурных государственных образований, могла бы помочь только МЕТОДОЛОГИЯ диалектического материализма. Но именно ДИАЛЕКТИКА как методология познания Мира есть и остается монополией узкой группы профессионалов-философов, как правило, оторванных от реальной жизни и общающихся между собой на неком жреческом жаргоне, непонятном простому народу. И возникает странная ситуация: методология вроде бы есть и в то же время ее нет, а потому говорить о ней как-то не принято. Прямых указаний на это нет, но "мягко и культурно" этот вопрос всегда обходится. Еще бы, мы же не строим (при строительстве методология нужна!) - мы перестраиваем. Вот только бы знать, "что" и во "что" перестраиваем? Обычно объясняют: "перестраиваем "плохой" социализм в "хороший". Но как отличить "хороший" от "плохого", "добрый" от "злого" - об этом не говорят. Без понимания диалектики, по законам которой развивается вечно живой, изменяющийся мир, разобраться с этим вопросом невозможно. Законы диалектики объективны и не зависят от той информационной каши, которой перегружено раздробленное обилием фактологии сознание современного человека. Поэтому "начальная школа Пушкина" небезопасна для современных плюралистов. Но Пушкин жил в конкретное историческое время, и потому вернемся к его заботам, тем более что они не так уж и несовременны.

Как и все его неровное и резвое окружение, он вынужден был слушать "полные святыни словеса" но вникал в них мало. Другими словами, этой святости поэт предпочитал целостность мировосприятия древних, диалектичность их мышления, которая давала художнику большую свободу при творческом отражении реального мира.

Дичась ее советов и укоров,
Я про себя превратно толковал
Понятный смысл правдивых разговоров,

Поразительна по глубине мысли последняя строка. Смысл того, что преподносят церковники, ему понятен более, чем им самим. Он не сомневается в их правдивости, но сомневается в другом: понимает ли сама церковь свои советы и укоры Человеку? Поэт не желает вступать с церковью в бессмысленный спор. В спор можно вступать с теми, кто не понимает, но стремится понять. Церковь же всегда вставала на пути этого стремления и беспощадно расправлялась с теми, кто <u>не так,</u> как требовали ее догмы, понимал ее. Отсюда пушкинское "Я про себя превратно толковал". Потому так высоко ценил Пушкин древнегреческую поэзию: она была для него кастальским ключом вдохновения, в ней он черпал силы для сохранения целостности собственного мировосприятия. Это и сейчас дело трудное, а тогда:

И часто я украдкой убегал
В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственный <u>порфирных</u> скал.

Не исключено, что поэт читал труды греческого философа Порфирия (233-304г.н.э.), ученика Платона, автора сочинения "Против христиан".

Там нежила меня теней прохлада;
Я предавал мечтам свой юный ум,

И праздномыслить было мне отрада.

Политеизм древних греков отражал в их сознании обожествление природы, а значит и бережное отношение к ней, любовь, что выражалось в гармонии творческого самовыражения художников-мастеров дохристианской эпохи. Образцы поэзии, скульптуры, живописи, архитектуры - все, что дошло до нас с тех времен, после разрушительной борьбы церкви с "идолопоклонством", по-прежнему остается эталоном красоты и совершенства. Пушкин высоко ценил творения древнегреческих мастеров-скульпторов, и это восхищение передается нам в образной форме:

Любил я светлых вод и листьев шум,
И белые в тени дерев кумиры,
И в ликах их печать недвижных дум.
Все - мраморные циркули и лиры,
Мечи и свитки в мраморных руках,
На главах лавры, на плечах порфиры.

Редко кто обладал такой способностью к совмещению в слове понятий на первый взгляд несовместимых. Это под силу лишь талантам с целостным мировосприятием. Действительно "мрак" и "свет" в реальном мире существуют, но далеко не каждому дано увидеть их сосуществование. Пушкин умел не только видеть, но и передать нам это видение. Поэтому мы верим, что мрак может быть великолепным(см.прим.9), особенно если это мрак чужого сада. Здесь все дышит живыми образами, символами, а вся тайна этой строки в слове "чужой". Ведь жил-то Пушкин в саду христианском, а восторгался садом языческим, и потому искренне стремится передать нам прелести "чужого", но не "чуждого" целостному мировосприятию языческого мира, по отношению к которому Церковь внушала страх греха. И вот мы уже ощущаем прелесть этого страха, который на языке Пушкина, на языке образно-логическом, становится сладким.

Все наводило сладкий некий страх
Мне на сердце;

Пушкин идет дальше и показывает христианскому миру ущербность этого страха, поскольку он знает, что в совершенных образах языческого искусства заложен огромный потенциал вдохновения:

... и слезы вдохновенья
При виде их рождались на глазах.

Тонко чувствуя гармонию, красоту, совершенство творений древних, Пушкин понимал ханжеское лицемерие Церкви, стремящейся придавить тягу человека к творчеству, в процессе которого он становится богоравным и боговдохновенным. Отсюда - "бесов изображенья" под его рукою превращаются в "чудесные творения".

Другие два чудесные творения
Влекли меня волшебною красой:
То были двух бесов изображенья.
Один (Дельфийский идол) лик младой -
Был гневен, полон гордости ужасной,
И весь дышал он силой неземной.
Другой женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал -
Волшебный демон - лживый, но прекрасный.

Видимо, речь идет о статуях Апполона и Венеры, - говорится в примечаниях издания Томашевского (Ист.34, с.512). Посмотрим, так ли это?

Столь упрощенное представление образов пушкинской поэзии, по-моему является следствием занижения меры понимания Пушкиным глубинных основ древнегреческой мифологии, особенно тех ее сторон, которые раскрывают психофизиологическое воздействие на личность в Древней Греции некоторых культов политеизма. Ведь Пушкин дает описание не столько внешних, сколько внутренних черт "идолов", а также их способностей воздействовать на психику человека. Но если в отношении первого "идола" поэт выразился достаточно определенно в части внешних примет - "Дельфийский идол" (это и позволило комментаторам дать ему имя Аполлон), то отсутствие ясных внешних примет в отношении женообразного и сладострастного волшебного демона легко ввело, по-моему, комментаторов в заблуждение. Женообразный, но не женский, да и демон - "идол" мужского рода. Венера - богиня красоты - им быть не могла. Тогда кто же? Если Аполлон - действительно бог "силы неземной", то Дионис - бог избытка сил. Да, в политеизме древних язычников, более глубоко, по сравнению с политеизмом, отражавшем природу человека, был и такой бог, помогавший вместе с другими богами нашим далеким предкам более гармонично, т.е. на созидательном, а не разрушительном уровне разрешать естественные противоречия, заложенные в самой природе человека.

Для раскрытия этого тонкого момента психофизиологической природы человека, обратимся к книге врача В.Вересаева "Живая жизнь" (Ист.35, с.54-55). «Эллины хорошо знали, что кратковременное безумие способно спасать людей от настоящего длительного безумия: кто противится дионисийским оргиям, тот сходит с ума».

«Эллинские боги - Аполлон и Дионис имеют действительно некоторое отношение к нашей психике и духовной (то есть культурной) жизни, - пишет врач-психиатр Е.Черносвитов ("Мы устали преследовать цели...?" О психических эпидемиях и некоторых тенденциях в культуре"). В философию понятия аполлоновского и дионисийского типа культур и двух начал бытия ввел, как известно, Ницше. Аполлоновское - светлое, рациональное, гармоничное начало. Дионисийское - темное, экстатико-оргазмическое, хаотическое. Когда царит Аполлон - в мире ясность, красота и покой. При правлении Диониса - звучит козлиная песнь и наступает всеобщая трагедия (козлиная песнь и есть по-гречески "трагедия"). При Дионисе мир становится реальностью постоянного восторга, опьянения, безудержного смеха, оргазма, люди не перестают чувствовать себя сильными и испытывают прилив все новых и новых сил, дух на подъеме, то ли в эйфории, то ли в экзальтации. Ясно, что такая "реальность" для нашего мира есть потусторонность или сюрреальность, где постоянно могут пребывать лишь наркоманы и перверстные (извращенные) субъекты. Дионисийство - лишь одна сторона, отлично обнажающая в художественной, естественно, форме механизмы общественных психических эпидемий.» ("Наш современник", 10, 1989). Эпидемий, которые обрушились в наше время на современное молодое поколение. Прекрасно понимая опасность этих явлений, Пушкин уроками своей школы в образной, художественной форме раскрывает психологическое содержание воздействия дионисийства на молодое поколение и как бы предупреждает о возможных последствиях увлечения "безвестными наслаждениями", поскольку "темный голод" разрушаемой психики утолить ими невозможно. Расплатой увлеченным "безвестными наслаждениями" всегда будут "уныние и лень", а психические силы, растраченные понапрасну, превращают творческий потенциал молодости в "тщету". Отсюда у Пушкина следующие шесть строк:

Пред ними сам себя я забывал;
В груди младое сердце билось - холод
Бежал ко мне и кудри подымал.
Безвестных наслаждений темный голод
Меня терзал - уныние и лень
Меня сковали - тщетно был я молод.

Нет, молодость поэта не была тщетной. И хотя мы видим, что его слияние с мироощущением древнегреческих философов было настолько полным, что вряд ли могло быть понято и принято его современниками, уроки его школы не должны пройти бесследно для его потомков, ибо все его творчество пронизано светлым, гармоничным началом.

Поразительные по краткости и точности изображения тех, кого Церковь в первые столетия своего существования представляла человеческому сознанию в образе "идолов". Для восстановления целостности мировосприятия читателя Пушкин пользуется, казалось бы, несовместимыми эпитетами, которые, однако, благодаря его образно-логическому языку не режут нашего слуха: "лживый, но прекрасный", или "полон гордости ужасной". Наверное, только самому Богу под силу столь тонкое понимание сложного и противоречивого духовного мира политеизма древних язычников.

Уроки Пушкина кратки, но точны, опрятны и выразительны. Сейчас, когда многим непонятно, почему наше общество и особенно молодежь вдруг захлестнули волны психических эпидемий (наркомания, токсикомания, алкоголизм, секс и все виды музыкального фанатизма), можно напомнить, что бога избытка сил Диониса всегда сопровождали другие эллинские боги, такие, например, как Сизиф - гений плутни, подлога и мошенничества; Ламния, прятавшая глаза, чтобы не видеть всеобщего бесчестия; Меретрикса - покровительница разврата; Тидей, съевший мозги Меланипа и покинутый Минервой; Пацифая - занимающаяся скотоложством, и др. Их современные ипостаси, грубо вторгаясь в нашу жизнь через средства массовой информации и прежде всего телевидение, в отличие от кратковременных Дионисийских оргий, которые чисто физиологически разряжали тоску, ужас и отчаяние, накапливающиеся в душе человека, являются уже своеобразным механизмом провоцирования и поддержания в обществе длительного и устойчивого состояния безумия толпы, в которой человек всегда одинок. Зачем это нужно? - спросит читатель. Да затем, чтобы отвлечь каждого отдельного человека от решения надвигающихся социальных проблем и тем самым парализовать общество в целом, лишить его способности активно и коллективно противостоять проявлениям социального зла. Чувство одиночества в толпе опаснее чувстства одиночества, которое испытывает человек, оставаясь наедине с собой. И Пушкин передает это точно:

Средь отроков я молча целый день
Бродил угрюмый - все кумиры сада
На душу мне свою бросали тень.

Боги древних греков в их сознании были живыми, духовно близкими самой природе человека. Воплощенные в мраморе, бронзе, золоте лучшими мастерами своей эпохи, они олицетворяли вечность красоты и совершенство подлинных кумиров человечества. Кумиры же современного сада проходят по жизни словно тени, скрывая от человека свет подлинного искусства и разрушая его психику. Они не могут быть эталоном красоты и совершенства, и потому их образы не оставят следа не только в памяти Человечества, но и в памяти даже одного поколения. Их духовная пустота служит топливом, с помощью которого поводыри толпы извлекают деньги даже из навоза.

Пушкин переводами Гомера не занимался, хотя, по-моему мнению, он мог бы быть подлинным союзником мыслей великого слепца, ибо всю свою жизнь боролся за ясность и чистоту слов, поскольку понимал, что четко очерченные понятия людей объединяют, а слова-хамелеоны, дающие возможность совершать подмену понятий, разъединяют. Вероятно, Первый Поэт России владел некой тайной певца колыбели цивилизации, но будучи художником-творцом, тайну эту он раскрыл не переводами, а всем своим творчеством. Вот почему его не мог удовлетворить перевод "Илиады", сделанный Гнедичем:

Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера,
Боком одним с образцом схож и его перевод.
(Ист.34, с.203)

В чем видел Пушкин однобокость переводов Гнедича, думаю, теперь читателю и самому понятно. Гнедич творцом не был, он был всего лишь переводчиком. Желающий убедиться в этом должен хотя бы сравнить три строки первой главы романа "Евгений Онегин" с описанием белых ночей Петербурга

Как часто летнею порою
Когда прозрачно и светло
Ночное небо над Невою
(Ист.37, с.29)

с поразительно многословным примечанием N8, с.74. Конечно, Пушкин умел и любил пошутить, и данное примечание поэта, ценившего "краткость как сестру таланта", можно было бы принять как очередную сатиру не собрата по перу. Но нет, если он и шутил, то шутил "довольно крупно" и только ради удовольствия публики не стал бы переписывать это скучное, напыщенное, гекзаметром исполненное самостоятельное творение Гнедича. Многословным примечанием Пушкин давал современным и будущим читателям предметный урок, как писать не надо: "Читатели помнят прелестное описание петербургской ночи в идиллии Гнедича:

"Вот ночь; но не меркнут златистые полосы облак.
Без звезд и без месяца вся озаряется дальность.
На взморье далеком сребристые видны ветрила
Чуть видных судов, как по синему небу плывущих.
Сияньем бессумрачным небо ночное сияет,
И пурпур заката сливается с златом востока:
Как будто денница за вечером следом выводит
Румяное утро. - Была то година златая,
Как летние дни похищают владычество ночи;
Как взор иноземца на северном небе пленяет
Слиянье волшебное тени и сладкого света,
Каким никогда не украшено небо полудня;
Та ясность, подобная прелестям северной девы,
Которой глаза голубые и алые щеки
Едва оттеняются русыми локон волнами.
Тогда над Невой и над пышным Петрополем видят
Без сумрака вечер и быстрые ночи без тени;
Тогда Филомела полночные песни лишь кончит
И песни заводит, приветствуя день восходящий.
Но поздно; повеяла свежесть на невские тундры;
Роса опустилась
. . . .

Вот полночь; шумевшая вечером тысячью весел,
Нева не колыхнет; разъехались гости градские;
Ни гласа на бреге, ни зыби на влаге, все тихо;
Лишь изредка гул от мостов пробежит над водою;
Лишь крик протяженный из дальней промчится деревни,
Где в ночь откликается ратная стража за стражей.
Все спит . . ."
(Ист.37, с.193)

И чтобы покончить с этим вопросом, приведу высказывание Пушкина, которым он завершил свои "Отрывки из разговоров" в 1830г.:

«Но сатира - не критика, эпиграмма - не опровержение. Я хлопочу о пользе словесности, не только о вашем удовольствии...» (Ист.2, с.265).

Итак, тайна слепого Гомера - в целостности и диалектичности восприятия всей древнегреческой культуры. Пушкину, в отличие от Гнедича, эта тайна была доступна, и поэтому "К переводу Илиады" написано Пушкиным сразу же после "В начале жизни школу помню я".

Так Первый Поэт России не только дал нам в художественной форме урок начальной школы диалектики, но и сопроводил его прекрасным демонстрационным материалом.

6. КЛЮЧИ ОТ ХРАМА

"А где же ключи?" - вправе спросить любознательный читатель. У Пушкина, дорогой читатель! У Пушкина! Первый поэт России три ключа к своему "Храму" дал в 1827 г. в самой краткой, образной, но и самой содержательной из всех существующих доныне работ с простым и ясным названием: "ТРИ КЛЮЧА" (Ист.34, с.14).

Наберись терпения и внимания, читатель, ключи от храма перед тобой и только от тебя будет зависеть, сумеешь ли ты ими воспользоваться. Но сначала задумайся над вопросом: "Почему ты и твои современники воспитаны так, чтобы (не "что", а "чтобы") при слове "диалектика" всех воротило с души, и любой, независимо от уровня образования, старался при встрече с этим понятием перевести разговор на другую тему? Почему? Да потому что...

В степи мирской, печальной и безбрежной
*Таинственно пробились три ключа.**

Комментарий:
* Первой строкой поэт дает образ Вселенной "печальной и безбрежной".

Человек разумный не только обитает в ней. Он является органической частью Космоса, этого Великого Храма, существующего по законам Гармонии. Человек, не пренебрегающий законами Гармонии, обогащающий духовный мир Человечества великими творениями, принимает непосредственное участие в сотворении этого храма. Только такие люди участвуют в сотворении более высокого, чем Человек, уровня организации Материи.

<u>Ведь</u> все сущее, Вселенная - <u>самодвижущаяся</u> материя. Вся материя во Вселенной в той или иной мере упорядочена (организована). Другими словами, во Вселенной <u>НЕТ</u> неорганизованной материи. Мере организации материи (любой) соответствует <u>некое</u> понятие, частным видом которого в науке является понятие "<u>информация</u>". В религиозной терминологии это - "дух", некая бесплотная субстанция. Имея в виду понятие "мера организации материи", мы будем пользоваться термином "информация", благо живем мы в век информации.

Разные фрагменты Вселенной отличаются друг от друга уровнем организации материи. Пространство, вакуум - один из уровней организации материи. При изменении уровня материи организации вакум "из ничего" рождает элементарные частицы и т.п. и элементарные частицы "бесследно" исчезают в вакуме.

В мире нет ничего, кроме - информации - времени -.

Движение - самоизменение во времени меры организации материи. Все три категории, составляющие основу триединства Мира, сами существуют в триединстве (ни одна без двух других ни существовать, ни понята быть не может).

Любая часть материи обладает свойством более или менее полного отображения (информационный процесс) всей остальной части Вселенной и самой себя в самою себя. При достаточно высоком уровне организации материи частный вид ее общего свойства - отображения - мы называем сознанием. В этом смысле материя первична по отношению к сознанию: нет сознания без материального носителя достаточно высокого уровня организации. При вторичности сознания (духа) по отношению к материи в указанном смысле Мир един и целостен. Понятия категорий триединства Мира - времени, информации и материи, - развиваясь по мере накопления знания и роста общественного сознания, приближаются к своей объективной сущности, не зависящей от сознания.

Диалектика - методологическое понятие, отражающее самодвижение всего сущего через:
- взаимодействие отличностей при их взаимном проникновении друг в друга;
- переход количественных изменений в качественные и обратно;
- отрицание Отрицания.

Это понятие развивается, совершенствуется, а его уровень повышается, расширяется и углубляется по мере развития сознания. Опыт - критерий истины - подтверждает правильность такого мировосприятия, и пока никто его не опроверг. Осознание диалектики повышает устойчивость сознания отдельного человека к разным формам субъективизма. Отсюда сама диалектика - своеобразный инструмент, ключ, язык, способствующий сознанию в объективном отображении Мира.

Отход от него ведет к утрате целостностного мировоззрения и в своей крайней форме является антидиалектической отсебятиной - субъективным метафизическим идеализмом, самодурью. Вульгарное ("атеистическое", в традиционном смысле слова) утверждение о том, что человеческое сознание - высшая форма организация материи, - антидиалектично.

Человеческое сознание, объективно отражая благодаря диалектике окружающий материальный мир в его вечном самодвижении, при отсутствии духовного гнета, естественным образом формирует целостное - диалектическое мировоззрение. Отсюда целостное мировосприятие на стихийном, неосознанном уровне всегда диалектично.

Здесь изменена привычная формулировка "единства и борьбы противоположностей", ибо противоположности подразумевают парность отличностей. Единство и борьба - сужение более общей закономерности; неоправданное использование суженного закона ведет к ошибочным выводам. Овладение более глубоким, чем вышеизложенное, пониманием развития целостного Мира можно только приветствовать.

* * *

Первой строкой поэт дает образ Вселенной "печальной и безбрежной". Человек разумный не только обитает в ней. Он является органической частью Космоса, великого Храма, существующего по законам Гармонии. Человек, не пренебрегающий законами Гармонии, обогащающий духовный мир Человечества великими творениями, принимает непосредственное участие в сотворении этого Храма.

Вторая строка - образ тайны Триединства Мира в религиозном, философском, техническом и другом, пока еще неосознанном Человечеством, аспекте. Три ключа - триединая основа мироздания, проявляющаяся через время, информацию и материю. Три ключа - триединство законов диалектики, проявляющихся во Вселенной через взаимодействие отличностей, переход количественных сотношений в новое качество и отрицание Отрицания. Три ключа - это триединство характеристик полей волновой природы, проявляющихся в любом информационном процессе через фазу, частоту и амплитуду. Итак, ключ Первый!

Ключ юности - ключ быстрый и мятежный,
Кипит, <u>бежит</u>, сверкая и журча;

Здесь ключевое слово "бежит". Две строки - образ быстротекущего времени, которое действительно бежит для людей, бескорыстно тратящих свои духовные силы на созидательное разрешение противоречий жизни. Только такие люди участвуют в сотворении более высокого, чем Человек, уровня организации Материи.

В первый период познания Мира, в юности, время особенно быстро "кипит, бежит, сверкая и журча". Целостность и диалектичность мировосприятия, данная юноше от природы, оберегает его ум и сердце от подмены понятий "Добра" и "Зла". В кипении страстей молодость даже на неосознанном уровне еще способна мятежно подняться против Зла и правильно определить положительную фазу, т.е. фазу Добра низшей частоты информационного поля, соответствующего более высокому уровню организации материи.

В Великом Храме Космоса Зла нет, ибо Мир добр изначально. Отсюда в религиозном аспекте: "Бог - есть Добро! Бог - есть любовь!" Энтропия Зла невозможна, но Человек может творить и Зло. Вот почему так важно умение пользоваться первым ключом, т.е. способностью отличать добрые дела от злых. Без методологии Человеку это не под силу. Но от рождения ему дано на подсознательном уровне целостностное диалектическое мировосприятие. Сделать диалектику достоянием сознания - важнейшая задача Человека. Говорят, что дорогу осилит идущий. Это верно, но куда важнее выбрать верную дорогу. Ошибка на этом этапе жизненного пути приводит к тому, что вся дальнейшая работа интеллекта, нравственных и душевных сил становится бессмысленной. Более того, она может способствовать физическому и духовному уничтожению личности.

Энтропию Добра Великого Космоса Зло отдельных людей, человеческих общностей и даже целых планет осилить не могут. В этом смысле Бог (более высокий уровень организации материи) действительно есть Добро. Второй ключ - следующие две строки!

Кастальский ключ <u>волною</u> вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит;

Это образ информационного процесса, обладающего волновой природой и, следовательно, всеми параметрами волны (фаза, частота, амплитуда). Но это и образ перехода количественных соотношений в качественные, которые в человеческом сознании происходят <u>вдохновенно</u>. Кастальский ключ (от имени греческой нимфы Касталия, дочери речного бога Ахелоя; спасаясь от преследований Аполлона, она превратилась в источник на

горе Парнас) и есть тот ключ, с помощью которого человеческое сознание как бы подбирает необходимую несущую частоту информационного поля, соответствующего более высокому уровню организации материи. Для большинства людей это работа долгая, кропотливая и не всегда венчающаяся успехом. Она требует не только тщательного сбора фактов и осмысленного к ним отношения, но прежде всего своевременной ломки сложившихся стереотипов отношения к явлениям Мира и поведения в обществе. Процесс этот далеко не безболезненный, так как человек вынужден при этом выдерживать огромное напряжение умственных и душевных сил. Многие на этом этапе ломаются.

Пушкин понимал сложность этого этапа познания Мира и потому в 1827 г. (период написания "Трех ключей") заметил: "Вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий (своевременный отказ от ненужных стереотипов: авт.), следственно и объяснению оных. Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии" (Ист.2, с.19). Естественно, если с "соображениями понятий" туго, то обилие впечатлений не обеспечивает автоматически "впечатлительному субъекту" нового качества в любой отрасли знания, даже в геометрии. Вот почему Томашевский, нисколько не смущаясь, переиначивает Пушкина в соответствии со своим "соображением понятий": "Вдохновение ? есть расположение души к живейшему принятию впечатлений, следственно к быстрому соображению понятий, что и способствует объяснению оных. Вдохновение нужно в поэзии, как и в геометрии" (Ист.6, с.41). Собственно говоря, талант, гениальность и проявляются в способности личности, прорываясь через калейдоскоп фактов, вдохновенно выходить на качественно новый уровень познания Мира.

В Природе равенства нет. Разным людям этот процесс дается по-разному. Пойдет дело - можно, подобно Пушкину, и к 30 годам выйти на "Болдинскую осень", подняться "до святости", т.е. с одинаковым успехом считывать информацию о прошлом и будущем благодаря установлению "особых отношений" с более высоким уровнем организации материи. Это и есть "Дар Божий". Ну а другому и жизни не хватает, чтобы понять самые простые истины. Но все противоречиво в этом мире, и никакое приобретение в этом мире не обходится без потерь. Вырвавшись на новый виток познания, человек может почувствовать себя на какое-то время одиноким изгнанником. Ключом вдохновения в "степи мирской" изгнанник может упиться, но это еще не значит, что жажда его будет утолена. Тут-то и необходим третий ключ.

Последний ключ - холодный ключ забвенья,
Он слаще всех жар сердца утолит.

Здесь в художественной форме дан закон отрицания Отрицания. Но это не голое отрицание. Через утоление жара сердца (ум жарким у нормальных людей быть не может) холодным умом постигается свет истины. Это же есть и образ материи в бесконечных формах ее проявления, которые (формы) потому и существуют, что есть холод забвения. На этом этапе познания человек достигает полной гармонии с окружающим миром, т.е. входит в состояние гармонического резонанса.

Из теории колебаний известно, что явление резонанса возникает при совпадении двух первых параметров (фазы и частоты) в колебательных системах. При этом третий параметр - амплитуда - может возрастать бесконечно даже при незначительных затратах энергии, если сопротивление среды, в которой действуют колебательные системы, исчезающе мало. Если предположить, что колебательные процессы, идущие в информационных полях, создаваемых разными уровнями организации материи, происходят в среде с бесконечно малым сопротивлением, то независимо от природы этих полей для осуществления связи меж ними в условиях информационного резонанса возможно достаточно той

незначительной энергии, которую генерируют биотоки головного мозга человека в процессе его мыслительной деятельности. * Отсюда и сладость постижения истины.

* * *

Комментарий:

Оставаясь на позициях диалектического материализма, человеку изначально естественно предполагать существование более высокого уровня организации материи помимо той, в рамках которой он осознает себя частью материального мира. Видимо, на заре своего существования наделенные от природы целостностью мировосприятия люди и выражали догадку об этом в религиозной форме (вера в богов). Древний политеизм в основе своей материалистичен и диалектичен. Мы видим, что в древних мифах язычников (греческих, славянских) богам, как и людям, в Природе просторно.

Во Вселенной каждый предыдущий уровень организации материи является основой для сотворения последующего. Так реализуется закон самоорганизации материи, который не противоречит закону сохранения материи и энергии. Язычники не случайно творили богов по своему образу и подобию (подсознательно они творили более высокий уровень организации материи), и поэтому отношения между людьми и богами (различные уровни организации материи) оставались гармоничными. Диалектика же была живым языком этих отношений. Она постигалась и совершенствовалась Человечеством на осознанном уровне по мере развития этих отношений. Одновременно диалектика служила как бы камертоном, с помощью которого осуществлялась настройка и наЛАДка этих отношений. Корень ЛАД выделен здесь не случайно, ибо лад в Природе существует здесь органически. Только люди, способные слышать, воспринимать этот лад, творят по законам ГАРМОНИИ, и тогда их творчество вечно.

Мы знаем и спокойно воспринимаем тот факт, что первыми диалектиками, осознавшими диалектичность целостного мира, были язычники (Гераклит, Демокрит, Зенон и т.д.). Мы знаем, что Церковь всегда проклинала язычников, но мы редко задаемся вопросом о происхождении слова "язычник". Уж не потому ли, что они владели Языком Правды Бога (более высокого уровня организации материи в нашем понимании)?

Вульгарный атеизм опасен не тем, что он не признает существование Бога, а тем, что, отвергая все религии как "опиум народа", лишает людей возможности в процессе изучения различных религий познать Язык Правды Бога. В этом смысле атеизм ничем не отличается от слепой приВЕРженности какому-либо одному религиозному учению. Мир целостен, Человечество целостно, и задача Человека как части Человечества - понять существующие связи между различными религиозными воззрениями, чтобы глубже осознать Язык Правды Бога - ДИАЛЕКТИКУ. Монополия любого религиозного учения беспощадна к человеческому разуму и, претендуя на единственно правильное понимание Языка Правды Бога, на самом деле лишает Человечество этого языка. Особенно опасна монополия монотеизма.

Иудаизм - самая страшная и устойчивая из всех существовавших форм монотеизма. Его устойчивость обеспечивается мощной периферией: христианством и мусульманством. Как они создавались - вопрос отдельный. Присвоив себе роль посредника меж человеком и "богами", иудаизм тысячелетиями дробил целостность мировосприятия человека, разрушая его ЛАД с Природой, искажая все представления о естественных явлениях Мира, производя подмену понятий Добра и Зла в интересах рассеянной среди Человечества то ли Богоизбранной, то ли Богогонимой социальной общности, рассудком которой является своекорыстие. Живой язык общения - диалектику - монотеизм превратил в мертвую догму, а

тонкий инструмент - камертон - в эклектический молоток, с помощью которого более двух тысячелетий он распинает всех стремящихся постичь истину.

Но законы диалектики объективны, и действие их не зависит от стремлений и интересов какой-то одной социальной общности. К.Маркс в своей статье "К еврейскому вопросу" писал: «Еврейство не могло создать никакого нового мира; оно могло лишь вовлекать в круг своей деятельности новые, образующиеся миры и мировые отношения, потому что практическая потребность, рассудком которой является своекорыстие, ведет себя пассивно и не может произвольно расширяться; она расширяется лишь в результате дальнейшего развития общественных условий» (Ист.38, с.411). Своекорыстие - этот рассудок практической потребности - уже захватил весь мир. Даже в странах, где строился социализм, лозунги борьбы за "социальную справедливость" подменили лозунгами борьбы против социальной зависти, а клич "Обогащайся, как можешь!" официально принят на вооружение. Так что своекорыстию расширяться дальше некуда, и, следовательно, по закону отрицания Отрицания оно обречено, а Диалектика на новом витке спирали развития Человечества должна стать живым языком общения Человека с Природой.

* * *

С выходом на этот этап познания Человек приобщается к подлинно созидательному процессу через полное Отрицание Зла, т.е. к созидательному разрешению всех противоречий жизни. Именно с этого момента Человек достигает понимания ( ) явлений, происходящих в мире, и не он сам, а окружающий его мир начинает видеть в нем интеллигента. Этот этап есть завершение, но он же есть и начало нового витка спирали диалектического познания истины: от живого созерцания - к абстрактному мышлению, и от него - к практике.

И последнее наставление Пушкина к пользованию "Тремя ключами": три ключа в степи мирской пробились одновременно, а не по очереди, следовательно и пользоваться ими при открытии дверей Храма (постижении истины) необходимо вместе, а алгеброй гармонию, подобно Сальери, поверять не должно. "Моцарт и Сальери" - тоже урок диалектики, и не менее интересный. Работа сотворения своего духовного "Я" как частицы более высокого уровня организации материи происходит постоянно, т.е. разделить эти три этапа невозможно, ибо человеческое сознание продвигается к истине по спирали, которая так же бесконечна, как бесконечно великое триединство Мира: время, информация и материя.

Все, что я так долго здесь рассказывал, Пушкин на образно-логическом языке изложил в 8 строках, доказав тем самым своей бессмертной октавою, что в совершенстве владеет и самим октавным принципом, который еще древние египтяне называли принципом гармонии.

И если В.Непомнящий в упоминаемой выше статье "Дар" увидел в "Трех Ключах" "одно из самых совершенных и самых мрачных стихотворений Пушкина, где утверждается желанность смерти", то он всего лишь продемонстрировал свой, а не пушкинский уровень понимания тех явлений Мира, о которых нам поведал гений. Сальери, отправив в "мир иной" Моцарта, вослицает: "Но ужель он прав, и я не гений? Гений и злодейство - две вещи несовместные". И в ужасе добавляет: "Неправда". Совершенство и Мрак - тоже две вещи несовместимые, но "Непомнящий" или "Непонимающий", видимо, как и Сальери, крикнет: "Неправда!" "Последняя строка о "ключе забвения" ужастна", - кликушествует В.Непомнящий. Но это всего лишь собственный страх несоображающего, и "Новый мир" выплескивает на свои страницы мрак чуждой Пушкину души, да еще в посвященной юбилею поэта статье.

Стыдно должно быть перед памятью Первого Поэта России. Никогда и никто не мог упрекнуть Пушкина в том, что поэзия его "мрачная" или "ужасная". Ну разве что дышащий ядом ненависти Абрам Терц в своих "Прогулках с Пушкиным".

Здесь я бы посоветовал непонимающему Непомнящему пройти урок обучения в "начальной школе" Пушкина и сделать попытку не вообще, а конкретно опустить Пушкина до уровня своего миропонимания. Полагаю, известный пушкинист сразу бы прозрел и увидел свою ошибку. Для этого достаточно взять те самые две строки из "начальной школы":

И часто я украдкой убегал
В великолепный мрак чужого сада

и попытаться поменять в них "великолепный" на "совершенный". Что? Режет слух? Не звучит? Изменяется понятийный уровень? Так ведь это пример "точности" и "опрятности" мысли и слова нашего поэта. Ну и что касается "совершенного мрака" то он, видимо, всегда существовал как притягательный идеал еврейской культуры и был реализован в творчестве еврейского художника Малевича в виде пресловутого "черного квадрата". И восхищаются, восторженно шумят. Известно, что благонамеренная глупость верноподданных идиотов есть продукт питания "вечных странников революционной перестройки". В искусстве они называют себя "авангардистами".

Поэзия Пушкина ясная, светлая и совершенная. Можно читать Пушкина, можно называть себя пушкинистом (по аналогии с марксистом), можно даже отгородиться от Пушкина толстыми стенами "Пушкинского дома", но прочесть Пушкина - дано не каждому. "Постичь Пушкина - это уже нужно иметь талант", - сказал Сергей Есенин. Враги Пушкина убили Есенина только потому, что увидели в нем этот талант. Но Пушкин бессмертен. Он живет в своем народе и, не сомневаюсь, что скоро явит себя, поскольку, как предсказал Н.В.Гоголь, "Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет" (Ист.39, с.27).

1. ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ИСПОЛНИТЕЛИ.

"Хотел бы я послушать поборника дидактики и назиданий - как бы он объяснил мне воспитательное значение "Домика в Коломне"?" - Недоумевает русскоязычный поэт иудейского происхождения* А.Кушнер (Ист.40). Вопрос поставлен своевременно, за язык "непонимающего" никто не тянул. Видимо, пришла пора открыть народам России воспитательное значение "шуточной поэмы", при создании которой Пушкин поднялся до святости.

* * *

Комментарий:
*"Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется", - предупредил в свое время Ф.И.Тютчев. 25.03.90г. в передаче по первой программе ЦТ "Киносерпантин" Марк Захаров на всю страну заявил: "А теперь я вам прочту стихи русскоязычного классика эфиопского происхождения Пушкина."

Об этом в 21-й октаве предисловия:

Однакож, нам пора. Ведь я рассказ
Готовил; а шучу довольно крупно

И ждать напрасно заставляю вас.
Язык мой - враг мой: все ему доступно,
Он обо всем болтать себе привык.

Две последние строчки требует пояснения. Оценивая философское наследие Гегеля, А.С.Хомяков делает очень важное замечание, раскрытие которого позволяет понять, какая информация была доступна Пушкину и почему она не могла быть воспринята обыденным сознанием его современников:

«То внутреннее сознание, которое гораздо шире логического и которое составляет личность всякого человека так же, как и всякого народа, - утрачено нами» (Ист.41, с.121).

Эти слова А.С.Хомякова и уже приводившиеся слова А.С.Пушкина: "Разум неистощим в соображении понятий, как язык неистощим в соединении слов. Все слова находятся в лексиконе; мысли же могут быть разнообразны до бесконечности" - в языковых формах XIX века отражают понимание того, что в современных языковых формах и понятийном аппарате науки может быть изложено следующим образом.

Лексикон и грамматика образуют основу каждого живого разговорного языка. Но язык жив, пока жив народ, породивший и использующий его. Язык фонетический, речь - продукт деятельности прежде всего левого полушария. Он служит для передачи между людьми в словесно-логической форме знания понятийно-образного по содержанию, за которое отвечает правое полушарие. Это знание в индивидуальных мозаичных картинах мира, хранящихся и развивающихся в долговременной памяти подсознания каждого человека в форме осознаваемых в словах понятий и не осознаваемых образов и связей между ними, образует информационную базу языка. В этой информационной базе конечная система понятий и неосознаваемых образов и связей между ними отражает полноту, детальность и целостность бесконечного Мира. Поэтому живой язык - это лексикон и грамматика, отражающиеся на эту объективно сложившуюся и развивающуюся информационную базу.

Человек, по мере того, как входит в мир, в жизнь, отражает в свою информационную базу и лексикон языка, и грамматику, и информационную базу с объективно существующими ассоциативными связями, благодаря объективности которых люди, говорящие на одном языке, понимают друг друга.

Разные люди по-разному (в смысле глубины и реальности) осознают и подсознают (имеют в подсознании) эти ассоциативные связи, позволяющие через языковые формы связать друг с другом подчас "УДАЛЕННОЕ" друг от друга содержание понятий и образов и тем "ПРИБЛИЗИТЬ" мозаичную картину мира в долговременной памяти к ее объективному Первообразу. В зависимости от глубины этих ассоциативных связей каждый отдельный человек в едином народе по-разному владеет родным языком: от площадного мата и канцелярита до поэзии, которую не удается первести на чужие языки, поскольку слова чужой речи не всегда передают всю глубину и ассоциативных связей и информационной базы родного языка.

Информационная база языка безусловно меняется со временем благодаря смене поколений, но сами изменения неоднородны: глубинные уровни информационной базы более устойчивы и потому в меньшей степени деградируют.

Отсюда непредвзятый читатель легко поймет, что, раскрывая содержание эзоповского языка "Домика в Коломне", мы не доказываем здесь что-либо логически. Опираясь на ассоциативные связи индивидуальной мозаичной картины Мира, сформировавшейся в

культурной среде Русского народа, мы читаем Пушкина, выросшего во той же среде, но на 150 лет раньше.

Если же кто-то не согласен с тем, что мы пишем, то скорее всего потому, что под лексикон и грамматику Русского языка у него подведена база НЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. Сейчас это называется "русскоязычностью". Но это наносный мусор, в какой-то мере затрагивающий лишь поверхностные уровни информационной базы нашего родного языка - глубинным пластам он не помеха. Поэтому мы не сомневаемся: русские люди нас поймут. Поймут и люди других национальностей, у кого "Царь Кощей над златом чахнет".

В мозаичной картине Мира отдельных людей (к их числу несомненно принадлежал и Пушкин) могут проявляться некоторые неосознаваемые образы, для которых трудно, а порой и невозможно, найти словесную форму их адекватного выражения на уровне общественного сознанисоя временников. Пытаясь осознать эти образы, если они к тому же связаны с явлениями будущего, человек вынужден пользоваться устойчивыми во времени понятиями-символами в надежде, что в будущем они обеспечат этим понятиям право бытия, т.е. стать понятиями на уровне общественного сознания. Этот сложный и долгий процесс становления (варки и копчения) языковых форм (лексикона и грамматики) и стоящей за ними информационной базы языка очень кратко и образно изложен у Пушкина:

Фригийский раб, на рынке взяв язык,
Сварил его (у господина Копа коптят его).
Езоп его потом принес на стол...

Эзоп в качестве "полового" выбран поэтом не случайно. Надежный поставщик устойчивых понятий-символов к языковому пиру всех времен и народов Эзоп по-прежнему не пророк, а угадчик тех явлений, которые внутренним сознанием любого народа всегда отождествлялись с понятием социальная справедливость:

В телеге колесо прежалобно скрипело.
"Друг, - выбившись из сил,
Конь с удивлением спросил, -
В чем дело?
Что значит жалоба твоя?
Всю тяжесть ведь везешь не ты, а я!"
Иной с устало-скорбным ликом
Злым честолюбьем одержим,
Скрипит о подвиге великом,
Хвалясь усердием... чужим.

Конечно, главный редактор популярной телевизионной передачи "Пятое колесо" Бела Куркова - "не агент Эзопа, а Эзоп - не агент Антанты", но как точно угадано Эзопом само "Пятое колесо".

Все вышеизложенное дает нам основание считать, что главный вопрос поэта:

Опять, зачем Езопа
Я вплел, с его вареным языком,
В мои стихи?
Не к современникам, а к любознательным потомкам.

Ответ Пушкина краток:

Что вся прочла Европа,
Нет нужды вновь беседовать о том!

Только пятнадцать лет спустя уже упоминавшийся выше современник Пушкина философ А.С.Хомяков раскроет содержание этого ответа: "Формы, принятые извне, не могут служить выражением нашего духа, и всякая духовная личность народа может выразиться только в формах, созданных ею самой" (Ист.42, с.114). Поскольку послереволюционная публицистика наклеила на А.С.Хомякова ярлык "религиозного философа", да еще "основоположника славянофильства" (что и сейчас для многих равнозначно "черносотенству"), то неудивительно, что герметизация пушкинского понимания "общего хода вещей" имела определенный успех в общественном сознании страны в период последнего столетия ее истории.

Ранее отмечалось, что для создания шуточной бытовой истории Первому Поэту России вряд ли стоило подниматься до святости. Тогда что же такое "Домик в Коломне"?

По нашим представлениям, это глубоко выстраданная, хотя, может быть, и не в полной мере осознанная концепция будущего развития России до конца XX века. Сформированная из понимания им развития глобального исторического процесса, концепция являет собой попытку осознать место России в "общем ходе вещей".

Насилу-то, рифмач я безрассудный,
Отделался от сей октавы трудной!

По существу это не только откровенное признание в трудностях завершения 22-й заключительной октавы предисловия, но и предупреждение читателю: многое здесь вещается "безрассудно", т.е. на уровне внутреннего сознания. Но это не "безрассудство" бессодержательного словоговорения, при котором словам и рукам просторно, а мыслей - нет. Отсюда начало повествования у Пушкина предваряется примечательным предупреждением, сохраняющим свою актуальность для любителей поговорить об истории "вообще" и поныне:

"Усядься, муза; ручки в рукава".

Для перевода содержания повести с языка символов на язык понятий, соответствующих общественному сознанию нашего времени, проведем ревизию основных действующих лиц и исполнителей. Всего их десять, но семеро - главные, трое - второстепенные. Четверо главных наделены именами собственными. (Параша, Мавруша, Фекла, Вера Ивановна), трое - нарицательными (вдова, муж вдовы-покойник, графиня). К второстепенным мы относим самого рассказчика, его приятеля и кота Ваську. Такой подбор действующих лиц не случаен. Он диктовался поэту пониманием "общего хода вещей" и давал возможность "выводить из оного глубокие предположения". Насколько эти предположения подтвердились временем - судить его потомкам. Пока же будем считать, что вдова, супруг вдовы-покойник, графиня - это символы правительства, правящего класса, элитарной интеллигенции соответственно. Пушкин, давая эти образы, эзоповским языком хотел показать, что их имена - частность в историческом развитии России. Они всего лишь исполнители уготованых им в Истории ролей, и потому их имена особого значения не имеют. Разумеется, актер при выходе на историческую арену может усилить или ослабить эмоциональное воздействие спектакля, но он не в силах переменить ход сценария, мягко и культурно направляемого "строгими историками".

Подлинным действующим лицом истории является народ. Характер его действий на исторической арене во многом определяется идеологией, которой он оказывается

привержен в тот или иной период своего развития. Идеология же формируется не без помощи правительства, интеллигенции, но обязательно на основе мировосприятия народа, т.е. мировоззрения, которое всегда есть результат его многовековой духовной деятельности. Идеология - форма, в которую либо местные, либо пришлые "кухарки" загоняют сформировавшееся в народе мировоззрение. Если при этом имеет место единство формы и содержания (формы не навязываются извне), - народ в главном направлении своего движения тоже един, а взаимоотношения всех социальных слоев народа, правительства, интеллигенции в каждый период развития страны вынуждены подчиняться такому направлению движения, которое, несмотря на существующие противоречия, в основе своей сохраняет гармонию духовных и социальных отношений. Если же такое единство нарушено - историческая судьба народа может оказаться под угрозой.

Поскольку методология постижения мира, т.е. мировоззрение народа, первична, а идеология как форма выражения его духовной жизни (мировоззрения) - вторична, то всякое нарушение единства формы и содержания рано или поздно должно быть преодолено духовной личностью самого народа. Являясь наиболее ярким выразителем духовной личности своего народа, Пушкин имел достаточно веские основания для формирования оптимистического прогноза преодоления этого противоречия. Отсюда в 26-й октаве:

Я воды Леты пью, Мне доктором запрещена унылость;
Оставим это - сделайте мне милость!

Однако, чтобы осознаваемые только им явления стали в будущем достоянием общественного сознания, поэт, пользуясь языком Эзопа, народ назвал Парашей; кухаркою (идеологию времен монархии) - Феклой; кухарку будущую (идеологию как Форму, принятую извне) - Маврой; веру народа вдове-правительству и кухарке-идеологии - Верой Ивановной.

Наша догадка в отношении символики основных персонажей (ум человеческий по простонародному выражению, не пророк, а угадчик) будет справедлива лишь при условии, что содержание поэмы не противоречит общему ходу вещей, а также основным понятиям общественного сознания нашего времени. Постараемся показать это, используя вместе с текстом повести другие литературные источники, с разных сторон отражавшие общий ход вещей и формировавшие общественное сознание народа в течение последних двух столетий нашей истории.

Теперь начнем.- Жила-была вдова,
Тому лет восемь, бедная старушка,
С одною дочерью. У Покрова
Стояла их смиренная лачужка,
За самой будкой. Вижу, как теперь,
Светелку, три окна, крыльцо и дверь.
(Октава 23)

Расчет Пушкина был прост и точен. После окончания Лицея в 1817г. до мая 1820г. он действительно жил в квартире своих родителей на Фонтанке в той части Петербурга, которая называлась тогда (сейчас уже не называется: авт.) Коломной (Часть Петербурга, прилегающая теперь к Мариинскому театру, церкви Покрова, Калинкину мосту. - Ист.44, с.485-486). И расчет оправдался. Толпа (по выражению В.Г.Белинского - собрание людей, живущих по преданию и рассуждающих по авторитету) осталась толпой, да к тому же еще "забавной". "Когда появилась эта шутка "Домик в Коломне", то публика (толпа: авт.) увидела в ней такой полный упадок его таланта, что никто из снисходительного приличия не

упоминал при нем об этом сочинении". (Из воспоминаний Л.С.Пушкина о брате. Ист.25, с.90).

Даже такие "строгие критики", как В.Брюсов, П.Анненков, считавшиеся по тем временам большими знатоками пушкинского творчества, но не владеющие хронологическим приоритетом, не смогли под легкой маской - петербургской Коломной увидеть Коломну подлинную, и потому своей указкой они пощелкали кого-то другого, но никак не Пушкина. Пушкин же к хронологии относился серьезно, ибо имел некоторое отношение к тайне времени. Ни один из "строгих критиков" не заметил, что жил поэт в пресловутой - тому лет десять, а не восемь назад. И никому в голову из них не пришло, что наряду с эрзац-"Коломной" в России существует еще Коломна подлинная. Эта Коломна - город, расположенный при слиянии двух рек - Москвы и Оки - в ста километрах от первопрестольной столицы, чуть в стороне от той самой муромской дороги, по которой Пушкин отправился в начале сентября 1830г. в Болдино. Коломна, как и Москва, известна на Руси с XII века. В ней имеется Кремль и церковь Иоанна Предтечи. Вдова-монархия закончила свое существование в России в начале XX века. Здесь разгадка слов "тому лет восемь". Руси московской под покровительством вдовы-монархии Пушкин отвел 800 лет и, следует заметить, - не ошибся. Коломна петербургская - "легкая маска", прикрывающая Коломну подлинную, которая по родству с Москвой использована Пушкиным как олицетворение России.

"....У Покрова
Стояла их смиренная лачужка,
За самой будкой...".

"Покров" - Пресвятой Богородицы - христианский праздник, отмечается 1 октября (14 - по новому стилю). Покров, по словарю Даля, от слова "покрывать", означает также "первое зазимье". "Стоять у Покрова" - быть под защитой, иметь заступничество со стороны высших духовных сил. "Лачужка" у Пушкина "смиренная". Россия, хорошо осознающая свою духовную и государственную мощь, никогда не проявляла агрессивности, зато неоднократно являла миру надежную защиту тем народам, которые добровольно шли под ее ПОКРОВительство. Любые покушения на священные границы России были небезопасны для ее недругов, ибо имели надежную охрану в виде совершенно особенного вооруженного формирования, которым не располагала ни одна страна мира - казачество. Дозорные казачьи вышки (будки) вдоль всей границы - символ неприкосновенности ее границ.

Вижу, как теперь,
Светелку, три окна, крыльцо и дверь.

"О светло светлая и украсно украшена земля Руськая"... Так начинается величайший памятник древнерусской литературы "Слово о погибели Русской земли". Отсюда - "светелка", символ света духовной жизни народов Руси. Три окна "лачужки" - трехопорное триединство дореволюционной России. Православие как идеология, содержащая христианские догмы, но опиравшаяся в основе своей на духовную личность народа, имеющего целостное и диалектическое мировосприятие (язычество). Самодержавие как изначальная внешнеполитическая независимость. Народность как основное связующее звено в этом триединстве. Помните детскую считалочку? "На златом крыльце сидели: царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной, кто ты будешь такой, говори поскорей, не задерживай добрых и честных людей".

Крыльцо Пушкин выделил отдельно, как монархический образ правления - престол. В отличие от Эйдельмана он не сваливал в кучу три разнородные понятия: монархия,

самодержавие, самовластье, ибо понимал, что самодержавие может быть царским, а может быть и народным.

"Дверь" - символ открытости России для совместного свободного и равноправного проживания всех народов, независимо от их уровня экономического и культурного развития. Кто творил в мировом общественном мнении до и после революции из России образ "тюрьмы народов", и кто претендовал на роль тюремщика в ней - увидим ниже. Пока лишь обратим внимание читателя на то обстоятельство, что в настощей тюрьме настоящие тюремщики не едят наравне с арестантами тюремную баланду, а всегда изыскивают возможность пользоваться дефицитом, жить в лучших условиях и пользоваться самой большой свободой передвижения.

В процессе работы над "Домиком в Коломне" поэт, видимо, предполагал, что легкую шутовскую маску публика примет за подлинное содержание поэмы, и поэтому у него не было причины сердиться на публику, зато были причины молчать (Ист.9, с.452). Не пророк, а угадчик, он знал, что когда-нибудь "после" забавную публику сменит более серьезная, способная подняться до уровня его понимания. Новая публика оценит точность сделанного им прогноза развития России, а "неожиданная развязка" станет важнейшим политическим и литературным событием не только в нашей стране, но и во всем мире.

Подлинный художник готовится к созданию шедевра долго. Иногда на это уходят годы. Можно предположить, что первые мысли о повести, которая при поверхностном чтении казалась бы легкой, но глубиною содержания могла бы поспорить с шедеврами мировой литературы, возникли у Пушкина еще в 1828г. Такие предположения требуют доказательств. Их несколько. Первое существует в "Уединенном домике на Васильевском" (Ист.43, с.181-192). Несомненно, это первый вариант "Домика в Коломне", рассказанный Пушкиным на одном из вечеров у Карамзиных в 1828г., изложенный Павлом Ивановичем Титовым (1807-1892), отредактированный лично Пушкным и напечатанный в "Северных цветах" в 1829г. под псевдонимом Тит Космократов. Второе можно найти в письме к П.А. Вяземскому (конец декабря 1829г.). "Жуковский со смехом говорил, что говорят, будто бы ты пьяный был у дев..., и утверждает, что наша поездка к бабочке - Филимонову, в неблагопристойную Коломну, подала повод к этому упреку." В комментариях к этому письму сообщается, что шпионы донесли Бенкендорфу, будто Вяземский вместе с Пушкиным пробыл всю ночь в Коломне, в неприличном доме. На самом же деле они были у литератора Филимонова, который в письме назван бабочкой, вероятно потому, что с 1829г. он собирался издавать журнал "Бабочка". Далее в этом письме Пушкин насмехается над правительством, которое вынуждено заниматься делами, ему не свойственными: "Правительство не дама, не Princesse Moustache (княгиня Голицина: авт.): прюдничать ему не пристало" (Ист.7, с.184, с.490).

Знали бы чиновники Бенкендорфа, к какому результату может привести устанавливаемая ими слежка. В последней фразе письма - один из ключей к разгадке замысла поэмы: "Правительство не Дама". - Через два года "Дама" в "Домике в Коломне" станет "Вдовой". Годом раньше в своих заметках по поводу французского слова "prude" Пушкин дает следующие пояснения: «Слово это означает женщину, чрезмерно щекотливую в своих понятиях о чести (женской), - недотрогу. Таковое свойство предполагает нечистоту воображения, отвратительную в женщине, особенно молодой. Пожилой женщине позволяется многое знать и многого опасаться; но невинность есть лучшее украшение молодости. Во всяком случае, прюдство или смешно, или несносно» (Ист.2, с.22).

По ходу действия мы узнаем, что если вдова-правительство не в полной мере пользуется своим правом "знать много", если оно строит из себя недотрогу, т.е. "прюдничает", то конец ее печален - может и "шлепнуться". Вдова как символ правительства вообще и монархии в

частности употребляется Пушкиным и в других произведениях, например, в "Медном всаднике". Однако, придав в 1833 г. этому образу большую определенность, Пушкин сразу же столкнулся с "пониманием" цензуры, что находит свое отражение в дневнике поэта (14 декабря 1833г.):

"... Мне возвращают Медный всадник с замечаниями государя. Слово кумир не пропущено высочайшей цензурою; стихи:

И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфироносная вдова -

- вымараны" (Ист.2, с.543). Однако самое точное и краткое определение вдовы-правительства (в рассматриваемый период - монархии) есть в самом тексте поэмы:

Старушка (я стократ видал точь в точь
В картинах Рембрандта такие лица)
Носила чепчик и очки.

"Чепчик" и очки (розовые) - аппарат, сквозь который любое правительство смотрит на мир и с помощью которого управляет. "Легкую маску" мы обнаруживаем и здесь: Рембрандт действительно в своих картинах изображал не только лица вельможные, но и лица простых стариков и старух.

2. СТРАННЫЙ СОН ПОЭТА О "ТРЕХЭТАЖНОМ ДОМЕ".

Следующие три октавы повествования вызывают тревогу читателя.

Дня три тому, туда ходил я вместе
С одним знакомым, перед вечерком:
Лачужки этой нет уж там. На месте
Ее построен трех-этажный дом.
Я вспомнил о старушке, о невесте,
Бывало, тут сидевших под окном,
О той поре, когда я был моложе,
Я думал: живы ли оне? - И что же?
(Октава 24)

Мне стало грустно: на высокий дом
Глядел я косо. Если в эту пору
Пожар его бы охватил кругом,
То моему б озлобленному взору
Приятно было пламя.
(Октава 25)

Здесь возникает много вопросов. Что могло стать причиной "озлобленного взора" поэта и почему он не возражает против пожара в "трех-этажном" доме?

А.Селянинов в монографии "Тайная сила масонства" пишет: «Кроме административных должностей в масонстве существуют еще масоны различных степеней. Первая степень носит название ученика, вторая - товарища, третья - мастера. Эти три степени образуют так называемое "синее" или "Иоанновское" масонство. Кроме этих степеней в федерации "Великий Восток" имеется еще

тридцать степеней, однако в обиходе оставлено только пять: восемнадцатая, тридцатая, тридцать первая, тридцать вторая и тридцать третья. От остальных сохранены только названия и номера... Тридцать три степени посвящения только оттолкнули бы адептов; они и без того жалуются на обилие вздора, которого они не понимают. Посему двадцать пять степеней были уничтожены, но их названия и номера были сохранены в ритуалах на всякий случай, про запас, как пустые этажи масонского здания, в которых при надобности можно снова жить.

Кроме того эти степени представляют еще и то преимущество, что сбивают с толку непосвященных и затрудняют изучение масонства со стороны, заставляя исследователей даром тратить силы и время» (Ист.19, с.12).

Выше было показано, что Пушкин недолгое время находился в кишиневской масонской ложе "Овидий". Естественно, как и все другие адепты, он был принят лишь в "ученики", а его природная любознательность в отношении всей структуры масонства неминуемо должна была вызвать в среде "посвященных" братьев "законное" возмущение. Почему? На этот вопрос мы можем найти ответ у А.Селянинова:

«Непосвященный, став учеником, не имеет ни положения, ни прав прочих масонов, хотя в этом стараются его разубедить и хотя все масоны прочих степеней завут его "братом". Тайное общество учеников, составляющее одно целое со всей масонской организацией, в то же время управляется ею и в нее проникают все общества выше его находящиеся. Ученики могут находится лишь в определенной части "храма" (так называют масоны места своего собрания), но все масоны высших степеней могут входить туда беспрепятственно. Ученикам и товарищам даже запрещается собираться одним без присутствия мастеров» (Ист.19, с.14).

Ну как, могло ли свободолюбивого Пушкина устраивать такое "трех-этажное здание"?

«Ученики и товарищи могут заниматься только под ближайшим руководством мастеров; таким образом, они уже с самого своего вступления в братство окружены опытными масонами, которые между собой образуют другие тайные общества (тайные потому, что доступ туда ученикам и товарищам запрещен), и разум которых уже прошел соответствующую подготовку.

Мастера же, в свою очередь, действует под наблюдением и невидимым вдохновлением других "братьев", которые, в свою очередь, так же господствуют над ними, как они над учениками.

Таким образом, мастера и масоны высших степеней находятся по отношению к товарищам и ученикам в таком же привилегированном положении, в каком находятся вообще все масоны по отношению к непосвященному миру (т.е. масоны свободно проникают в непосвященный мир, а непосвященный мир не может проникнуть в масонские ложи). Непосвященный мир вынужден терпеть соприкосновение с масонами (так же, как ученики принуждены терпеть соприкосновение с высшими степенями), а в то же время он не может видеть, что они делают в своих ложах.

Итак, масоны высших степеней могут распространить свое невидимое руководство на тайное общество учеников таким же образом, как все масонство может распространять свое влияние на непосвященный мир. Таким образом ученикам свыше передается воля, которую они не видят.

Благодаря такому плану каждый масон, получая свыше внушение от высших степеней, в то же время исполняет по отношению ко всем степеням, ниже его стоящим, ту же роль, что исполняет все масонство вообще по отношению к непосвященному миру».

Еще одно важное замечание:

«Степень дается не на один год, как административные должности, а навсегда, ибо степень связана с известным посвящением, которое нельзя уже отнять, раз оно дано. Между прочим, их ни во что особенное не посвящали, и потому масон всякой степени, если выходил из масонства, не мог его предать, ибо знал не больше того, что мог знать унтер-офицер об общем расположении и действиях всей армии» (Ист.19, с.16-17).

Работа А.Селянинова, написанная в 1911г., ставила целью раскрыть главную "тайну"масонства и показать основные причины эффективности этой организации. По нашему мнению, автору не удалось выполнить поставленной перед ним задачи, хотя фактология, приведенная в монографии, представляет несомненный интерес. Главная причина неудачи автора - отсутствие в его исследованиях методологии при анализе используемой фактологии и потому он вынужден лишь довольствоваться догадками типа: "По-видимому, цель, к которой стремится руководящая масонством сила, настолько огромна, что ей приходится разбить ее на частные цели и давать масонствам каждой эпохи и каждой страны отдельные задачи и назначения".

Пушкин методологией познания мира владел в совершенстве и, несмотря на запрет, существовавший в ложах по изучению всей структуры масонства, главные цели руководства определил верно: установление мирового господства. Осознал он и могущество этих сил, и отсутствие в России реальных структур государственного уровня, способных им противостоять. Отюда его "косой взглд" и "озлобленный взор" на будущий "трех-этажный дом", неизбежность строительства которого он с грустью предвидел.

Странным сном
Бывает сердце полно; много вздору
Приходит нам на ум, когда бредем
Одни или с товарищем вдвоем.
(Конец октавы 25)

Во времена Пушкина слова "товарищ" и "приятель" не были синонимами. Они несли различную понятийную нагрузку. По словарю Даля слово "товарищ" вы найдете только в разделе слова "товар": "Ровня в чем-либо, односум, соучастник в чем; клеврет, собрат, помощник, сотрудник. Отсюда: товарищ министра; торгового дома товарищи; в вербованных полках рядовой назывался товарищем." (Отсюда, видимо, и вторая степень в трех-этажном доме масонства получила название "товарищ": авт.). Слово "приятель" по Далю вы найдете в разделе слова "приятный", а пояснение к нему соответствует тому понятию, которое мы обычно вкладываем в слова "товарищ" и "приятель", не различая их понятийной нагрузки. "Приятель" - приязненный кому человек, доброжелатель, милостивец, друг (обратите внимание, по Далю "товарищ" и "друг" не синонимы), близкий, свой человек, коротко знакомый и дружный; с кем сошелся по мыслям и знаешься".

Пушкин в словах был "точен и опрятен". Если в 25 строфе он употребил слово "товарищ" (хотя рифма не была бы нарушена и словом "приятель"), следовательно он хотел донести до читателя определенную информацию, соответствующую его уровню понимания. Пушкин при вступлении в ложу "Овидий" был посвящен в "ученики". "Ученики" имели право

общаться только с "товарищами". Даже выйдя из ложи, посвященный был обязан хранить тайну посвящения, и Пушкин формально этот порядок не нарушил. Вставив вместо "приятель" слово "товарищ", он приоткрывал тайну архитектуры "трех-этажного" дома, но придраться к нему было невозможно. Тот, кто попытался бы его обвинить в разглашении тайны посвящения, должен вскрыть различие в понятийной нагрузке слов "приятель" и "товарищ". Масон любой степени посвящения не имеет права вникать в понятийную нагрузку той терминологии, которой пользуются в рамках масонских структур. Если бы каждый масон пошел по этому пути, то все стройное трехэтажное здание масонства (первые три этажа: ученики, товарищи, мастера и далее три по 33 этажа - всего 99 ступеней) рухнуло бы как карточный домик. Пушкин на роль рядового в вербованном полку масонской армии не годился, поскольку обладал целостным мировосприятием, а мера его миропонимания превосходила меру миропонимания тех, кто через масонство стремились к управлению миром. Масонским вздором на уровне бездумного солдата мафии Пушкин заниматься не мог. От важного чина иудейского пророка, "добровольно" берущего на себя "обязательства протагонизма" (по терминологии Гефтера), он решительно отказался еще в 1826 г. Опасность силы, направляющей масонство на разложение государственных структур любых народов, поэт осознавал глубже, чем любой из своих современников. Что ему оставалось делать? Будучи вещим и честным перед народом, он разоблачал и само масонство, и силы, стоящие за ним. Пушкин делал это тонко и мастерски, вызывая у "посвященных" зубовный скрежет бессилия и заставляя их тратить много энергии на заделку изоляции в оголенных проводах истории (искажения, дописывания подлинных текстов Первого Поэта России). Формально в нарушении масонских тайн Пушкина было не обвинить, поскольку ассоциативные связи языка вне формальной логики, на которую опирается Воланд (Варфоломей - "Уединенный домик на Васильевском").

Понимал ли Пушкин опасность такой работы? Еще как понимал!

Тогда блажен, кто крепко слово правит
И держит мысль на привязи свою,
Кто в сердце усыпляет или давит
Мгновенно прошипевшую змею;
Но кто болтлив, того молва прославит
В миг извергом...
(Октава 26)

По словарю Даля, "изверг" тот, кто заслуживает быть изверженным из общества. Вот почему Пушкин в "Домике в Коломне" не болтлив, мысль держит на привязи, а когда "непонимающие" щадят его самолюбие, он не сердится и молчит. Поразительно в этих строчках еще и то, что в них Пушкин поднимается в вопросах управления мыслью до уровня индийских махатм. В Индии говорят: "Нужно помнить, что мысль, как это ни покажется странным, - живое существо со своим характером, привычками, капризами. Так, например, она не любит, чтобы разбирали механику ее. Тогда она перестает быть таинственной, неосязаемой, невидимой, а лишь при этих условиях она и может бесконтрольно воздействовать на нас. Вот почему мелочам, мыслям, скребущим сердце, надо уметь сказать, как некогда в детстве надоевшим кошкам: "Брысь!"

Уровень медитации целиком зависит от воспитания мысли. Нужно учить ее (а это далеко не просто) искусству непрестанного и непрерывного восхождения" (Ист.46, с.11).

Прекрасно зная историческое прошлое России, великий мастер художественного слова обладал способностью проникать в ее будущее ("Я воды Леты пью" - октава 26). В этих словах ответ "большому знатоку современного масонства" Н.Берберовой, которая с самоуверенностью, присущей бездумному солдату мафии, "вещает": "И Пушкина в XXI веке

никто читать не будет, как французы не читают дивных поэтов XVI века" ("Книжное обозрение", 35, сент. 1989 г.). Правда, сама она честно призналась, что не брала Пушкина в руки лет 40. А если бы взяла, то может и поняла бы разницу, которая существует меж французскими поэтами и Пушкиным.

«Некто у нас сказал, что французская словесность родилась в передней. Это слово было повторено и во французских журналах и замечено как жалкое мнение (opinion deplorable). Это не мнение, но истина историческая...: Марот был камердинером Франциска I-го, Мольер - камердинером Людовика XIV; Буало, Расин и Вольтер (особенно Вольтер), конечно, дошли до гостинной, но все-таки через переднюю. Об новейших поэтах и говорить нечего: они, конечно, на площади, с чем их и поздравляем. Влияние, которое французские писатели произвели на общество, должно приписать их старанию приноравливаться к господствующему вкусу, к мнениям публики. Замечательно, что ни один из известных французских поэтов не выезжал из Парижа. Вольтер, изгнанный из столицы тайным указом Людовика XV, полушутливым, полуважным тоном советует писателям оставаться в Париже, если дорожат они покровительством Аполлона и бога вкуса.»

«Публика (о которой Шамфор спрашивал так забавно: сколько нужно глупцов, чтобы составить публику?) - невежественная публика была единственною руководительницею и образовательницею писателей. Когда писатели перестали толпиться по передним вельмож, они (писатели) обратились к народу, лаская его любимые мнения, или фиглярствуя независимостью и странностями, но с одною целью: выманить себе репутацию или деньги. В них нет и не было бескорыстной любви к искусству и к изящному: жалкий народ!» (Ист.2, с.376-377).

Кого-то из современных наших поэтов-перестройщиков мне напоминают эти меткие характеристики Пушкина, данные французским поэтам - вдохновителям Великой Французской революции.

"Специалистка по масонству" может возразить: "Фи! это же проза! А я говорила о стихах". Можно и в стихах:

Новейшие врали вралей старинных стоят -
И слишком уж меня их бредни беспокоят.
Ужели все молчать да слушать? О беда!..
Нет, все им выскажу однажды завсегда!
О вы, которые, восчуствовав отвагу,
Хватаете перо, мараете бумагу,
Тисненью предавать труды свои спеша,
Постойте - наперед узнайте, чем душа
У вас исполнена - прямым ли вдохновеньем
Иль необдуманным одним поползновеньем,
И чешется у вас рука по пустякам,
Иль вам не верят в долг, а деньги нужны вам.
Не лучше ль стало б вам с надеждою смиренной
Заняться службою гражданской иль военной,
С хваленым Жуковым табачный торг завесть
И снискивать в труде себе барыш и честь,
Чем объявления совать во все журналы,
Вельможе пошлые кропая мадригалы,
Над меньшей собратьей в поту лица острясь,

Иль выше мнения отважно вознесясь,
С оплошной публики (как некие писаки)
Подписку собирать - на будущие враки...
"Французских рифмачей суровый судия..."
(Ист.34, с.270).

Полагаю, что подобные стихи будут долго читать в России, по крайней мере, до тех пор, пока "новейшие врали", чье место за винным или табачным прилавком за пределами России, не переведутся в нашей литературе.

Однако последуем совету Пушкина и пока оставим эту тему, хотя она и сейчас не менее актуальна, чем в 30-е годы прошлого столетия.

Ведь нынче время споров, брани бурной;
Друг на друга словесники идут,
Друг друга режут и друг друга губят,
И хором про свои победы трубят!

Очень современно! А ведь это 16-я октава "предисловия" "Домика в Коломне".

3. НО ДОЧЬ БЫЛА, ЕЙ-ЕЙ, ПРЕКРАСНАЯ ДЕВИЦА.

Народ - главное действующее лицо истории. Отношение Пушкина к нему - любовное.

Но дочь Была, ей-ей, прекрасная девица:
Глаза и брови - темные, как ночь, (не волосы: авт.)
Сама бела, нежна - как голубица;
В ней вкус был образованный. Она
Читала сочиненья Эмина.
(Октава 27)

Комментарий:
Эмин Федор Александрович (1735-1770гг.) - плодовитый писатель, издатель "Адской почты" и автор многих романов, популярных в народе, из которых в особенности славились "Похождения Мирамонда". Очень важно, что Пушкин отмечает образованный "вкус", а не "ум" дочери вдовы.

Играть умела также на гитаре,
И пела: "Стонет сизый голубок",
И "Выду ль я..." и то, что уж постаре,
Все, что у печки в зимний вечерок
Иль скучной осенью, при самоваре,
Или весною, обходя лесок,
Поет уныло русская девица,
Как музы наши, грустная певица.
(Октава 38)

38-я октава - яркий пример того, как, в совершенстве владея жреческими языками, Пушкин, умело используя информационную среду живого народного русского языка, на ассоциативном уровне раскрывает читателю тщательно загерметизированную идеологическую информацию.

Да, "Стонет сизый голубок" и "Выйду ль я" - очень популярные в то время романс И.И.Дмитриева

"Стонет сизый голубочек,
Стонет он и день и ночь:
Его миленький дружочек
Улетел навеки прочь." -

и песня Ю.А.Нелединского-Мелецкого

"Выйду ль я на реченьку,
Посмотрю на быструю,
- Унеси ты мое горе
Быстра реченька, с собой".

Но требующая разгадки тайна христианского триединства (Бог Отец, Бог Сын, Бог Святой Дух) - тоже имеет в образной форме "святого духа" в виде голубя. А "странное" это сочетание двух популярных народных песен "Стонет сизый голубок" и "Выйду ль я..." - не выражает ли оно извечное стремление духовной личности народа к подлинной свободе, т.е. к формам, рожденным самим народом, а не навязанным ему извне? Духовная личность народа имела свои формы и до введения христианства на Руси. Отсюда в октаве 38 кроме двух известных народных песен, исполняемых под аккомпанемент "семиструнной" гитары (инструмент, пришедший на Русь), есть упоминание и о песнях уже забытых, тех, что пелись ПОСТАРЕ, т.е. в далеком прошлом. И Пушкин утверждает: народ существует как духовная личность, как единая семья до тех пор, пока в нем жива песня, созданная в его информационной среде, т.е. песня, выражающая его собственную духовную личность, а не чуждую ему, может, и внешне привлекательную, но все-таки импортную модификацию. Да и для тех, у которых "все на продажу", духовная личность народа будет представлять интерес, "нравиться" лишь до тех пор, пока охраняет собственное своеобразие, даже если оно и "печальное".

Фигурно иль буквально: (т.е. образно или логически: авт.) всей семьей,
От ямщика до первого поэта, (себя числит в этой семье: авт.)
Мы все поем уныло. Грустный вой -
Песнь русская. Известная примета!
Начав за здравие, за упокой
Сведем как раз. Печалию согрета
Гармония и наших муз, и дев,
Но нравится их жалобный напев!
(Октава 29)

Эти две октавы, да и весь "Домик в Коломне" - хороший пример того, как честный перед своим народом (а только такой может быть подлинным) художник, владея на генетическом уровне жреческими языками (информационной базой Предиктора), сформировавшийся как личность в информационной среде (живой язык) этого народа, в состоянии разгерметизировать глубинное Знание, вскрывая ассоциативные связи между иносказаниями в образной форме и историко-философскими категориями науки.

Пушкин обратил внимание на "известную примету", отраженную в песнях народных, в народном эпосе, - "начав за здравие, за упокой свести как раз", но ЧТО? Сама жизнь отвечает на этот главный вопрос: все, ЧТО НАВЯЗЫВАЕТСЯ НАРОДУ ИЗВНЕ. И р-революционные преобразования, и р-революционная перестройка в нашей стране - явления

одного порядка. "За здравие" народ начинает и ведет что-то из внутренней политики до тех пор, пока не разберется, что же такое "внутренняя политика". Но как только русский мужик разберется, что такое внутренняя политика - "сведет за упокой как раз".

Через 30 лет верность "известной приметы" подтвердит другой, ведающий по части живого языка нашего народа, русский писатель М.Е.Салтыков-Щедрин.

«...наш мужик даже не боится внутренней политики, потому прсто, что не понимает ее. Как ты его не донимай, он все-таки будет думать, что это не "внутренняя политика", а просто божеское попущение вроде голода, мора, наводнения; с той лишь разницею, что на этот раз воплощением этого попущения является помпадур. Нужно ли, чтоб он понимал, что такое внутренняя политика? - на этот счет мнения могут быть различны; но я, со своей стороны, говорю прямо: берегитесь, господа! потому что как только мужик поймет, что такое внутренняя политика, - n-i-ni, c'est fini!» (Ист. 48, с.229).

Комментарий:
n-i-ni, c'est fini! - кончено (фр.). Написано для "французов", чтоб понимали!

В первой половине 19 века (1830г.) Россия была страной безусловно крестьянской. Отсюда - имя главного действующего лица истории:
Параша (так звалась красотка наша). Параша - уменьшительное - Паша.

По Далю: Пашник - крестьянин, земледелец, кто пашет: пахотник, пашенник, или пахарь. Пашенник - то же, сельский хозяин. Отсюда слова:
Паше(а)ница - юж. пшеница. Паше(а)но - юж. пшено.

Понятно, что вся жизнь страны, основу которой составляют пашники-крестьяне, от добывания хлеба насущного до формирования духовной личности народа (создание культурных ценностей всякого рода) определяется всеми видами трудовой деятельности самого народа. Отсюда Параша у Пушкина:

Умела мыть и гладить, шить и плесть;
Всем домом правила одна Параша:
Поручено ей было счеты весть,
При ней варилась гречневая каша

Во все времена, в том числе и о которых ведется рассказ, Паша кормила страну, но отличием того времени было то, что представителям народа, а не вечным странникам р-революционной перестройки "поручено было счеты весть", то есть считать доход и расход всей семьи. А в настоящей семье "присчитывать" - себя обманывать, вздором заниматься - не принято! Отсюда, рассказывая о временах прошлых, Пушкин замечает в конце 30-й октавы, что:

"Сей важный труд ей (Паше: авт.) помогала несть
Стряпуха Фекла, добрая старуха,
Давно лишенная чутья и слуха".

То есть Фекла-Православие (идеология), будучи кухаркой, признавалась народом членом семьи и потому помогала в меру своего понимания духовной личности народа и нужд семьи вести хозяйство в стране.

В 45-й октаве, предсказывая смену кухарки-идеологии в форме, чуждой народу, поэт устами вдовы (нового правительства) вынужден делать наказ-предупреждение кухарке, который применительно к члену своей семьи звучит абсурдно: "Присчитывать не смей!"

Отмечая без особого уважения никчемную и пустую деятельность вдовы:

...днем она чулок вязала,
А вечером, за маленьким столом,
Раскладывала карты и гадала.

Пушкин обращает внимание читателя на такие черты характера русского народа, как трудолюбие, расторопность, сметливость и зоркость:

Дочь, между тем, весь обегала дом,
То у окна, то на дворе мелькала,
И кто бы ни проехал иль не шел, -
Всех успевала видеть (зоркий пол!).
(Октава 31)

Полтора века спустя, когда новая вдова превратила Россию в проходной двор ради получения эфемерной валюты, которая скорей всего нужна новой кухарке, в совершенстве владеющей искусством присчитывания, народ, беззастенчиво шельмуемый усилиями продажных средств массовой информации, вдруг превратился и в ленивого, и отсталого, и глупого, с радостью ждущего, когда проезжающие и свои прикочевавшие демократы облагодетельствуют его "высоким" вниманием.

По ходу истории мы постепенно все больше будем узнавать о Параше, о ее привычках, характере, привязанностях и одновременно начнем понимать, как и почему удалось "прикочевать" вечным странникам революционных перестроек в "Домик в Коломне". И везде мы будем обнаруживать особую любовь и привязанность поэта к этому, на первый взгляд, может и простодушному, но очень цельному и непростому образу.

4. СТРЯПУХА ФЕКЛА, ДОБРАЯ СТАРУХА, ДАВНО ЛИШЕННАЯ ЧУТЬЯ И СЛУХА

Теперь займемся подробнее помощницей Параши - стряпухой Феклой. При раскрытии этого образа без помощи В.Даля не обойтись. Известно, что после революции ряд букв, и в том числе О - фита, из русского языка были выброшены. Это мероприятие несомненно сузило понятийную базу языка. Читаем у Даля: О, буква Оита, 34-я по ряду, в церкв. 41-я; пишется без нужды, в греческих словах, замест Ф; в церковн. счете: О девять. В греческом произношении О напоминает английское the *), а некогда писалось у нас в греческих словах замест Т, нпр. Оеатр, Оеория; да и поныне буква эта на западных языках заменена th; используется в именах Оекла (Оекла - заревница, день 24 сент.), Оома, Оеодор, Оеодосия (Оеодосия - колосяница, день 29 мая).

Qеология: богословие, Qеогония: родословие языческих богов, боговщина, баснословие.

Qеократия: богоправление. Израильтянам дано было Qеократическое правление, через посредство Моисея и пророков.

Qита - бранное слово - разиня, баба.

* * *

Комментарий:

*)Чужие языки лучше усваиваются в том случае, если в родном языке есть все буквы, соответствующие всем буквам чужого алфавита. Кто изучал английский, тот знает трудности в произношении английского th. В этом суть сужения информационной базы родного языка.

* * *

Постараемся прочесть пушкинскую характеристику Феклы. Православное христианство - государственная идеология дореволюционной России, несмотря на монопольное владение средствами массовой информации (в крестьянской стране церковь была в каждой деревне, в каждом селе; кино, радио, телевидения и других средств массовой информации, неконтролируемых церковью, до революции не было), не смогла "родить" народу объединительной идеи, ибо истина, став верой, начинает лгать. И тогда все, стремящиеся к познанию истины, но не владеющие методологией познания, делятся христианством на "верующих и "неверующих". Отсюда Пушкин, поднявшийся до понимания методологии, осознавал, что Православие как идеология было БЕСПЛОДНО, и, следовательно, "бани жаркой" - гражданской войны ему и народу, идущему за ним, не избежать. Однако Православие в устах пушкинской музы не сразу стало "доброю старухой, давно лишенной чутья и слуха". Тому лет восемь назад, т.е. в 1822 г., в пору кишиневской ссылки, Православие являлось поэту в образе "сорока девушек прелестных", "сорока ангелов небесных, милых сердцем и душой", но... уже с рождения страдавших бесплодием. Речь идет о сказке "Царь Никита и сорок его дочерей". Язык (слово) ассоциативно несет информацию и независимо от желания поэта (на подсознательном уровне). Начало сказки:

Царь Никита жил когда-то
Праздно, весело, богато
Не творил добра, ни зла.

Имя Никита Пушкин не придумал, а взял из русской народной сказки. По Далю: русскому корню в этом имени НИК (ниц, ничком, ником - лицом к земле, затылком кверху) противоположное - ВНИК (взничь, навзник, навзничь - лицом кверху). Отсюда Никита - тот, который не ВНИКает. (Не случайно в России после Иосифа Сталина - Никита Хрущев). Раз не вникал ни во что, то и не мог творить "ни добра, ни зла", зато сумел от "разных матерей прижить сорок дочерей". У Даля: "Встарь считали сороками. По преданию в Москве 40 сороков церквей (1600), но их только 1000, а разделены они по СОРОКАМ на староства или благочиния, хотя в СОРОК может быть и менее сорока церквей."

Не желая вступать в публичную, небезопасную для того времени полемику по поводу идеологического бесплодия Православия и чувствуя, что даже эзоповский язык может навлечь на него ханжеский гнев богословов-философов, Пушкин выбирает самый верный путь изъяснения - прямой:

Как бы это изъяснить,
Чтоб совсем не рассердить
Богомольной важной дуры,
Слишком чопорной цензуры?
Как быть?.. Помоги мне бог!

Такой ход (скорее всего подсознательный) оказался верен. Критика прошедшего и настоящего столетия всегда воспринимала эту сказку в меру своей испорченности, т.е. демонстрировала свое непонимание народного эпоса, а, следовательно, и непонимание той

информационной среды, в которой развивалась духовная личность народа. Пушкин, являясь выразителем духовной личности народа, никогда не мог быть полностью понят такой критикой. Например, известный философ прошлого века Вл.Соловьев, почему-то уверенный, что "Гавриилиада" и "Царь Никита" остались незаконченными, писал: "Попытки запрягать поэзию в ярмо сложного порнографического острословия не удавались Пушкину." (Ист.27, с.600). Интересный момент. На уровне подсознания Вл.Соловьев, объединив "Гавриилиаду" и "Царя Никиту", понимал, что Пушкин никогда не занимался острословием, да еще таким, которое ему "не удавалось". Здесь имеет место проявление хронологического приоритета информационной среды, формируемой творчеством Пушкина ("Гавриилиада" - "Ветхий Завет" - 1821г.; "Царь Никита и сорок его дочерей" - четыре Евангелия "Нового завета" - сорок сороков православных церквей Москвы - 1822г.) Эти же произведения на уровне сознания Вл.Соловьева - "ярмо сложного порнографического острословия".

Если в 1822г. в сказке Пушкина безнадежному делу с идеологическим бесплодием Православия помогает ВЕДЬМА (от слова "ведать"):

Баба ведьмою слыла,
Всем недугам пособляла,
Немощь членов исцеляла.

то восемь лет спустя решение этого вопроса Пушкину видится иначе. Но для понимания этого видения необходимо более глубоко разобраться во взаимоотношених вдовы-монархии с кухаркой Феклой-Православием. С этой целью прокомментируем главные занятия вдовы в переломные моменты истории России.

Старушка-мать, бывало, под окном
Сидела; днем она чулок вязала,
А вечером, за маленьким столом,
Раскладывала карты и гадала.
(Октава 31)

«Занятие тайными науками всегда было в почете у русских; со времени Сведенборга и баронессы Крюденер все спириты и иллюминаты, все магнитезеры и гадатели, все жрецы изотеризма и чудотворцы встречали радушный прием на берегах Невы». - Эта запись сделана в дневниках французского посла в России Мориса Палеолога 21 ноября 1916 г.(Ист.46).

В дневнике Палеолог подробно описывает дух мистицизма, царивший при дворе последнего русского монарха: «В 1902 г. воскреситель французского герметизма маг Папюс, настоящая фамилия которого д-р Анкосс, приехал в Петербург, где он скоро нашел усердных поклонников. В последующие годы его здесь видели неоднократно во время пребывания его большого друга знахаря Филиппа из Лиона; император и императрица почтили его своим полным доверием; последний его приезд относится к февралю 1906 г. И вот газеты, дошедшие к нам недавно через скандинавские страны из Франции, содержат известие о том, что Папюс умер 26 октября.» (Запомним, читатель, эту дату, чтобы лучше понять дальнейшее.) «Признаюсь, - сообщает дальше Палеолог, - эта новость ни на одно мгновение не остановила моего внимания; но она, говорят, повергла в уныние лиц, знавших некогда "духовного учителя", как называли его между собой его восторженные ученики.

Госпожа Р., являющаяся одновременно последовательницей спиритизма и поклонницей Распутина, объясняет мне это уныние странным пророчеством,

которое стоит отметить: смерть Папюса предвещает не больше и не меньше, как близость гибели царизма, и вот почему:

В начале октября 1905 г. Папюс был вызван в Санкт-Петербург несколькими высокопоставленными последователями, очень нуждавшимися в его совете ввиду страшного кризиса, который переживала в то время Россия. Поражения в Маньчжурии вызвали повсеместно в империи революционные волнения, кровопролитные стачки, грабежи, убийства, пожары. Император пребывал в жестокой тревоге, будучи не в состоянии выбрать между противоречивыми и пристрастными советами, которыми ежедневно терзали его семья и министры, приближенные, генералы и весь двор. Одни доказывали ему, что он не имеет права отказаться от самодержавия его предков и убеждали не останавливаться перед неизбежными жестокостями беспощадной реакции; другие заклинали его уступить требованиям времени и лояльно установить конституционный режим. В тот самый день, когда Папюс прибыл в Санкт-Петербург, Москва была терроризирована восстанием, а какая-то таинственная организация объявила всеобщую железнодорожную забастовку.

Маг был немедленно приглашен в Царское Село. После краткой беседы с царем и царицей, он на следующий день устроил торжественую церемонию колдовства и вызывание духов усопших. Кроме царя и царицы на этой тайной литургии присутствовало одно только лицо: молодой адъютант императора капитан Мандрыгка, теперь генерал-майор и губернатор Тифлиса. Интенсивным сосредоточием своей воли, изумительной экзальтацией своего флюидического динамизма духовному учителю удалось вызвать дух благочестивейшего царя Александра III; несомненные признаки свидетельствовали о присутствии невидимой тени.» (Эта фраза в дневнике высокопросвещенного французского посла-масона замечательна: авт.)

«Несмотря на сжимавшую его сердце жуть, Николай II задал отцу вопрос, должен он или не должен бороться с либеральными течениями, грозившими увлечь Россию. Дух ответил:

«Ты должен во что бы то ни стало подавить начинающуюся революцию; но она еще возродится и будет тем сильнее, чем суровее должна быть репрессия теперь. Что бы ни случилось, бодрись, мой сын. Не прекращай борьбы.

Изумленные царь и царица еще ломали голову над этим зловещим предсказанием, когда Папюс заявил, что его магическая сила дает ему возможность предотвратить предсказанную катастрофу, но что действие его заклинания прекратится, лишь только он сам исчезнет "с физического плана". Затем он торжественно совершил ритуал заклинания. И вот с 26 октября маг Папюс исчез "с физического плана"; и действие его заклинания прекратилось. Значит - скоро революция!»

Дневник французского посла не случайно опубликован в России уже при Советсой власти в 1923 г. Он был доступен узкому кругу лиц, захвативших власть в стране, и демонстрировал им "чудо" в то время, когда революционный народ, руководимый "кочевыми демократами", в неистовой борьбе со всякими "чудесами" бездумно крушил основы своей духовной культуры. И почему-то особая ненависть "кочевых демократов" была к Пушкину. Именно Пушкина они предлагали сбросить с корабля современности. Благодаря их усилиям были сожжены не только Тригорское, Петровское, связанные с именем великого поэта, но и

Михайловское. Об этом недавно поведал бывший директор пушкинского заповедника С.С.Гейченко. На вопрос корреспондента "Правды": "Кто же это делал?" - Гейченко уклончиво ответил: "Всякие провокаторы и подстрекатели, чтобы обвинить большевиков в том, что они уничтожают все святое" ("Правда", 6.10.89г. "Осмысливая связь времен").

Кто эти провокаторы - мы уже знаем. Куда интереснее вопрос - для чего они это делали?

"Домик в Коломне", как и многие другие произведения Пушкина, особенно "болдинского периода" - несут в своем содержании долговременные прогнозы развития России, изложенные в образной форме. Монопольное право на владение прогнозом - это и монопольное право на сотворение "чуда" в глазах непосвященных. Ничего "чудесного" в смысле противоестественного в Мире не бывает: если кто-либо длительное время демонстрирует окружающим "чудо", то это значит, что он монопольно владеет неким "ноу-хау" (знаю как). Чудо мгновенно перестает быть "чудом", как только ликвидируется монополия на эксплуатацию "ноу-хау".

Самого Пушкина и все, что с ним связано, "кочевые демократы" пытались уничтожить сразу после революции только потому, что он своим творчеством нарушал монополию на "чудо", так как по уровню своего понимания процессов, происходящих в обществе, был выше уровня понимания масонства и сил, стоящих за его спиной. И поскольку сразу это не получилось (народ отстоял своего Первого Поэта и даже потребовал переиздания его произведений), то эти силы начали искажать, извращать все, написанное Пушкиным, чтобы лишить народ возможности подняться на столь высокий уровень понимания.

А для опасений за свою монополию на "чудо" у этих сил были все основания. Ну что могут значить рекламируемые Палеологом прогнозы Папюса о скором крахе монархии в России по сравнению с теми прогнозами, которые дал Пушкин в "Домике в Коломне" или в "Золотом петушке"? Французские масоны владели "ноу-хау" в рамках десятилетий, прогнозы Пушкина выходят за рамки столетий. Более высокий уровень понимания процессов, происходящих в мире, позволил ему предсказать не только отдельные частности, но и глобальные исторические явления. Падение монархии в России - частность, всего лишь смена образа правления. Падение православной идеологии и замена ее идеологией, сформировавшейся вне духовной личности народов России вообще и русского народа в частности, - это глобальное историческое явление. Осуществить его в масштабах такой страны, как Россия, были способны лишь такие силы, которые глубже всех остальных сил, действующих на исторической арене, понимают методологию. Именно эти силы обычно формируют концепцию развития любой страны, остальные, как правило, являются лишь игрушкой в их руках. И величайшей заслугой Пушкина является не только глубокое проникновение в тайну тайн их адской кухни, но прежде всего умение передать в образной форме потомкам и секреты кухни, и секреты кухарок.

Стряпуха, возвратясь из бани жаркой,
Слегла. Напрасно чаем и вином,
И уксусом, и мятною припаркой
Ее лечили. В ночь пред Рождеством
Она скончалась. С бедною кухаркой
Оне простились. В тот же день пришли
За ней, и гроб на Охту отвезли.
(Октава 41)

Первая мировая война, в которую через долги была втянута монархия, а затем две революции и последовавшая за ними Гражданская война, по меткому выражению поэта, действительно были для России "баней жаркой". Пушкин прекрасно знал православные

обряды, по которым в день смерти никогда никого на Руси не хоронили. Другими словами, он хотел показать, что это аллегория, символ и что речь идет о смерти и похоронах не обычной старушки, а Православия - стряпухи Феклы.

Так "угадал" Пушкин. А как было на самом деле? Воспользуемся снова дневником Мориса Палеолога, который, будучи свидетелем захоронения жертв революции (Февральской), запишет 5 апреля 1917 г.:

«Сегодня с утра огромные, нескончаемые шествия с военными оркестрами во главе, пестря черными знаменами, извивались по городу, собрав по больницам двести десять гробов, предназначенных для революционного апофеоза. По самому умеренному расчету число манифестантов превышает 900 тысяч. А между тем ни в одном пункте по дороге не было беспорядка или опоздания. Все процессии соблюдали при своем образовании, в пути, при остановках, в своих песнях идеальный порядок...

Но что больше всего поражает меня, так это то, что не достает церемонии: духовенства. Ни одного священника, ни одной иконы, ни одного креста. Одна только песня: Рабочая Марсельеза. (Масон Палеолог, который, по его собственным признаниям, беззастенчиво вмешивался во внутреннюю и внешнюю политику Романовых, восторгается организацией похорон и невольно выбалтывает кое-что об организаторах: авт.).

С архаических времен Святой Ольги и Святого Владимира, с тех пор, как в истории появился руский народ (?: авт.), впервые великий национальный акт совершается без участия церкви. Вчера еще религия управляла всей публичной и частной жизнью; она постоянно врывалась в нее со своими великолепными церемониями, со своим обаятельным влиянием, с полным господством над воображением и сердцами, если не умами и душами. Всего несколько дней тому назад эти тысячи крестьян, рабочих, которых я вижу проходящими теперь передо мной, не могли пройти мимо малейшей иконы на улице без того, чтобы не остановиться, не снять фуражки и не осенить грудь широким крестным знамением. А какой контраст сегодня?» Здесь Палеолог лжет. Русский народ появился задолго до Святой Ольги и до акта крещения Руси. Делает он это по недомыслию или вероломно - вопрос второстепенный. В остальном он точен и его записи лишь подтверждают пушкинский прогноз:

29 марта 1917 г. «С момента крушения царизма все митрополиты, архиепископы, архимандриты, игумены, архиереи, иеромонахи, из которых состояла церковная клиентела Распутина, переживают тяжелые дни. Везде им пришлось увидеть, как против них восставали не только революционная клика, а еще и их пасомые, часто даже их подчиненные.» Если бы автор дневника был до конца последователен и честно написал, что за спиной церковной клиентелы Распутина стоял еврейский банкир Симанович, который отчитывал "провидца", как мальчишку, когда тот выходил из-под контроля (Ист.47), то картина была бы действительно полной.

Почему же Палеолог "не заметил" факт, известный двору и всему дипломатическому корпусу? Ответ в самом дневнике:

7 февраля 1916 г. Председателем Совета министров назначается Штюрмер, немец (67 лет), по рекомендации Распутина, и тут же «Штюрмер назначил управляющим своей канцелярии Манасевича-Мануйлова. Назначение скандальное и знаменательное.

Я немного знаком с Мануйловым... главным информатором "Нового времени", этой самой влиятельной газеты... Но я его знал и до моего назначения посланником. Я с ним виделся около 1900г. в Париже, где он работал как агент охранного отделения, под руководством Рачковского, известного начальника русской полиции во Франции. Мануйлов - субъект интересный. Он еврей по происхождению; ум у него быстрый и изворотливый; он - любитель широко пожить, жуир и ценитель художественных вещей; совести у него ни следа. Он в одно время и шпион, и сыщик, и пройдоха, и жулик, и шулер, и подделыватель, и развратник - странная смесь Панурга, Жиль Блаза, Казановы, Робера Макэра и Видока. "А вообще, - милейший человек".

В последнее время он принимал участие в подвигах охранного отделения; у этого прирожденного пирата есть страсть к приключениям и нет недостатка в мужестве. В январе 1905 г. он, вместе с Гапоном, был одним из главных инициаторов рабочей демонстрации, использованной властями для кровавой расправы на Дворцовой площали. Несколько месяцев спустя, он оказался одним из подготовителей погромов, пронесшихся над еврейскими кварталами Киева, Александровска и Одессы. Он же, как говорят, брался в 1906 г. за организацию убийства Гапона, болтовня которого становилась неудобной для охранного отделения.»

Итак, если восстановить недостающее звено Распутин-Симанович, то круг, свернувший шею монархии Романовых, замыкается. А.Симанович давит на Распутина, чтобы тот добился от царя назначения Председателем Совета министров Штюрмера, Штюрмер назначает еврея Манасевича управляющим канцелярии Совета министров, а в действительности всем процессом разложения монархии управляет еврейский капитал. В критическую минуту монархия не сможет опереться на свой идеологический аппарат - Церковь, и этот факт Палеолог точно зафиксирует в дневнике 13 февраля 1916 г.:

«Отставной министр Кривошеин говорил мне вчера с отчаянием и с отвращением: "Делаются вещи отвратительные. Никогда не падал Синод так низко... Если кто-нибудь хотел бы уничтожить в народе всякое движение к религии, всякую веру, он лучше не мог бы сделать... Что вскоре останется от православной церкви? Когда царизм, почуяв опасность, захочет на нее опереться, вместо церкви окажется пустое место... Право, я сам порой начинаю верить, что Распутин антихрист.»

Из целостного анализа содержания дневника, а также его намеренных "упущений" можно понять, что мера понимания французского посла процессов, происходящих в предреволюционной России, была выше меры понимания как отставных, так и действующих министров царского правительства, и потому, в отличие от Кривошеина, Палеолог хорошо знал подлинного антихриста. А целостный анализ "Домика в Коломне" показывает, что мера понимания Пушкиным процессов,происходящих в мире и в России в начале 19 века, была много выше меры понимания французского посла в начале 20 века.

Стряпуха Фекла скончалсь у Пушкина в ночь перед Рождеством. Что это, случайность?

Русская нация сформировалась задолго до введения христианства на Руси, отмечает академик Б.А.Рыбаков (Ист.49). Христианство, как идеологическая форма, навязанная народу со сложившимся мировоззрением о целостности мира, не могло служить выражением его духовной личности. Христианские эмиссары, осуществлявшие духовную экспансию на Русь, понимали, что прививка новых идеологических форм на зрелом стволе духовной личности народа может проводиться успешно лишь при "культурном" паразитировании на животворящих духовных соках, идущих от корней самого дерева.

Поэтому пришедшее из Византии христианство в процессе духовной экспансии вынуждено было опереться на многие древние языческие обряды, культы и праздники, включив их в свои "канонические" ритуалы. Отсюда, как признают многие светские и богословские ученые, русское православие сформировалось как языческо-христианское "двоеверие" (Ист.50, с.118, с.849). "Византийское христианство не устранило славянское язычество из сознания и повседневного обихода народов нашей страны, а ассимилировало его, включив языческие верования и обряды в свой вероисповедно-культовый комплекс", - отмечает профессор Гордиенко Н.С. (Ист.51, с.99-100). Соглашаясь в принципе с этими мыслями автора, мы считаем, что здесь несколько по иному следует расставить исторические акценты. Цельность мировосприятия наших предков, формировавшаяся их неосознанной диалектичностью, не только преодолела многие христианские догмы, т.е. по существу "оязычила" христианство, но и сохранила жизнеспособность древнерусского язычества, не утратившего исторической перспективы ни в социальном, ни в политическом плане. С другой стороны, наличие "двоеверия" служило постоянным источником многих расколов внутри самой Православной церкви и неизбежно должно было послужить одной из серьезных причин самого страшного раскола в духовной жизни русского народа, которым в конечном счете обернулась для нас Гражданская война начала 20 века.

Пушкин не мог пройти мимо столь серьезного вопроса, от решения которого во многом зависело будущее России и судьба русского народа. И следует признать, что ум поэта здесь действовал не как "пророк", а как "строгий историк", глубоко анализирующий общий ход вещей.

Так мы видим, что "Домик в Коломне" стоял у Покрова. Покров как религиозный символ имеет двойной смысл. Первый - языческий, связанный с первым снегом, укрывающим землю от морозов. Отсюда Покров - первое зазимье. Второй - вошедший в сознание людей через использование языческих поверий - с церковью, как Покров-заступничество, защита. Отсюда Покров - христианский праздник Пресвятой Богородицы. Народные пословицы, несущие в себе из глубин исторического прошлого народную мудрость, обеспечивая единство формы и содержания информации, в целостности сохраняют и языческую, и првославную трактовку религиозных понятий.

"Не покрыл Покров, не покроет и Рождество".

Пушкину такая информация была доступна, французскому послу - нет. Отсюда мера понимания Пушкина выше, а изложение поэтом событий, о которых мы прочли в дневнике Палеолога, точнее и опрятнее. Из примечания к поэме мы узнаем, что на Охте хоронили только бедных. Словами "гроб на Охту отвезли" Пушкин хотел показать, что религия (идеология) для бедных - не всегда религия самых бедных. В 35 и 36 строфах он дает образную картину религиозности интеллигенции (графини) и народа (Параши).

Входила в церковь с шумом, величаво;
Молилась гордо (где была горда!).

Это об интеллигенции; Параша же

Молилась Богу тихо и прилежно
И не казалась им развлечена.
Смиренье в ней изображалось нежно.

Пушкин понимал, что если смирение долгое время изображается нежно, то при определенных условиях, например, после "бани жаркой" подлинное отношение к формам,

навязанным извне, может выразиться в резко отрицательном виде. Отсюда у поэта 42-я октава начинается:

Об ней (Фекле: авт.) жалели в доме,
всех же боле Кот Васька.

Все, конечно, помнят знаменитую басню И.А.Крылова "Кот и повар", но, может, многие подзабыли, что написанная русским Эзопом незадолго до начала войны с Наполеоном басня выражала убеждение патриотических кругов в необходимости принять срочные меры против угрозы вторжения Наполеона в Россию. Крыловский "повар" и пушкинская "кухарка" несут различную символику. У Крылова "повар" - царь, долго занимавшийся укорами Кота-Наполеона.

Ах ты, обжора! Ах, злодей!
Тут Ваську повар укоряет.

У Пушкина "стряпуха" - идеология, задача которой, облекая в привлекательные лозунги концепцию развития страны, помогать правительству вести народ на решение национальных и государственных задач. Отсюда вдова в "Домике в Коломне", взяв в услужение со стороны другую кухарку, Мавру, наставляет ее:

Ходи за мной, за дочерью моей.

Но вторжение может идти как открыто, с помощью оружия (Наполеон, Гитлер), так и скрытно - "Вторжение без оружия" (см. книгу В.Я.Бегуна, изд. 1985 г., а также Пятикнижие: Исход, Числа), т.е. методом "культурного сотрудничества". Отражение агрессии, идущей по второму способу, много сложнее, ибо в данном случае агрессор выступает под лозунгами борьбы за "социальную справедливость". Однако, разделавшись под влиянием этих лозунгов со своими национальными эксплуататорами, жертва агрессии вдруг обнаруживает на их месте вечных странников революционной перестройки мира. Естественно, жертва агрессии желает довести борьбу за социальную справедливость до победы, но тут ей говорят "Стой!" и старательно объясняют, в чем состоит разница между "социальной справедливостью" и "социальной завистью".

У Пушкина нет ни единого слова, не работающего на основное содержание поэмы. Поэт был уверен, что басню Крылова "Кот и Повар" вспомнят, раз в поэме есть упоминание о ее главном герое. А если вспомнят, то непременно прочтут мораль-нравоучение:

А я бы повару иному
Велел на стенке зарубить:
Чтоб там речей не тратить по-пустому,
Где нужно власть употребить.

Прежде чем власть употребить, надо ее иметь. Вдова-"монархия Романовых" перед Февральской революцией власти практически лишилась и этому процессу в значительной мере способствовала стряпуха Фекла через приобщение ко двору Григория Распутина. В примечаниях к дневникам А.Вырубовой читаем: "Вскоре после первого появления Распутина в Петербурге в начале 1900г., он был введен архимандритом Феофаном, духовником императрицы Александры Федоровны, в общество благочестивых великосветских клиентов последнего, в том числе и к великому князю Николаю Николаевичу, который был усердным почитателем Распутина. Но постепенно произошло охлаждение, и Николай Николаевич перестал принимать "старца". В 1914г. Николай Николаевич уже настаивал перед царем на удалении Распутина, что "старец" никогда не мог

ему простить и после чего стал распротранять слух о том, что Николай Николаевич мечтает о короне" (Ист.52).

Григорий Ефимович Распутин (настоящая фамилия Новых) был из простых крестьян села Покровского, Тюменского уезда, Тобольской губернии. По своим религиозным убеждениям он тяготел к "хлыстовщине", которая по сути была искажением древнеязыческих "русалий" (Ист.53, с.141-142). Вообще появление при дворе подобных личностей было не внове. Так (Ист. 53, с.141, 142) отмечается, что в период правления Александра I "духовный свет ловили отовсюду, откуда бы он не шел, и министр просвещения Голицын принимал в Зимнем дворце Татаринову, главу секты хлыстов, и присутствовал при их священной пляске, в то время как царь в письме к одному отцу семейства ручался, что во всем этом нет ничего противного религии."

Таким образом, из мемуаров Симановича, Вырубовой и Палеолога можно сделать вывод о том, что Распутин вполне вписывается в портрет "стряпухи Феклы", т.к. он стремился быть "добрым" для всех, но особенно считал необходимым быть добрым к евреям, т.к. с его "потенциальным антисемитизмом" усердно боролся тоже "добрый" его наставник - еврейский банкир Симанович. В данном случае "агрессор" выступает в роли "прогрессора" (Смотри А.Стругацкий, Б.Стругацкий "Жук в муравейнике", "Трудно быть богом").

Удивительны по глубине содержания пушкинские образы-символы. Они позволяют одновременно заглянуть в будущее и лучше познать прошлое. Причины болезни и кончины стряпухи Феклы после "бани жаркой" были заложены в самой природе Православия - двоеверии. Об этом подробно изложено в монографии академика Б.А.Рыбакова в главе "Дом в системе языческого мировоззрения". Наши предки-язычники были по своей духовной культуре более "интеллигентны", чем мои современники, если под интеллигентностью понимать созидательное, а не разрушительное разрешение естественных пртиворечий жизни. Так, например, они поклонялись не только душам умерших родичей, в чем церковь не может видеть ничего вредного и недозволенного, но и занимались сложным обрядом ублаготворения мертвецов-навий, т.е. чужих, враждебных мертвецов, которых церковь причисляла просто к "бесам". Б.А.Рыбаков приводит и комментирует два древнерусских поучения XIII и XIV веков против язычества, в которых с достаточной подробностью описываются многочисленные языческие обряды, которые производились в русских домах спустя три-четыре столетия после введения христианства. И вот что интересно: "По отношению к такой опасной нечисти, как эти навьи-вампиры, применялась двоякая тактика: их нужно было или отпугнуть, отогнать колдовскими заклинаниями и символами, или же умилостивить, ублаготворить как нежданного гостя в старинной сказке: в баньку сводить, за стол посадить...

В страстной четверг для зловредной нечисти, названной в поучении бесами, гостеприимно топили баню. После мытья в бане души мертвецов, проявивших там свою сущность (трепыхание в золе и куриные следы), приступали к заготовленной для них роскошной скоромной трапезе с мясом, сыром, ритуальным печеньем, хмельным медом и пивом. (Отсюда пушкинское: "Напрасно чаем и вином, и уксусом, и мятною припаркой ее лечили."). Выбор бани, как места встречи навий, еще раз убеждает нас в том, что представления о навьях (мертвецах вообще, чужих, враждебных мертвецах) резко отличны от культа предков, родных, "дедов". Предков угощали, и с ними общались или дома, в красном углу под иконами, или же на кладбище у домовины реального предка. Предков встречали в воротах усадьбы. Навий же встречали в бане." (Ист.49, с.514, 515).

"Повсюду на Севере, - пишет этнограф С.А.Токарев, - баня считалась нечистым местом. В ней не вешали икон, а когда шли туда мыться, снимали с шеи кресты. Баня - излюбленное место для нечистой силы, о проделках которой ходили страшные рассказы." (Ист.55, с.98).

Христианство в лице Православия тысячу лет боролось с язычеством, стараясь преодолеть в самом Православии его ненадежную основу - двоеверие. Однако вульгарное понимание диалектики учеными богословами (борьба двух противоположностей до полного уничтожения одной из них) лишь предопределило сам исход этой борьбы, который Пушкин (подлинный диалектик) так образно и поэтически отразил в своей "шуточной" повести. Что и говорить, шутил наш гений "довольно крупно".

Примечания:

1."Отсебятина" по В.Далю: "Слово К.Брюллова: плохое живописное сочинение, картина, сочиненная от себя, не с природы, самодурью".

2. Исключения составляет "Сказка о царе Салтане". Закончена 29 августа 1831 г. в Царском Селе / ист.7,с.262 /. По Томашевскому дата окончания этой сказки - 29 августа 1830 г. / 12 /. Непонятно,он "просто врет, иль врет еще сугубо?"

3. Еврей Григорий Перетц, связанный, по свидетельству Я.Д.Бауман, с кланом Ротшильдов, умышленно оклеветал перед Николаем I полковника Ф.Н.Глинку, героя войны 1812 г., который , как и Пушкин, разобравшись в подлинных целях масонства, вышел из ложи "Избранного Михаила" задолго до выступления декабристов. / 18 / .

4. С этими "красавцами" мы всретимся потом ,в "Домике в Коломне":

У нас война! Красавцы молодые
Вы хрипуны / но хрип ваш прумолк /,
Сломали ль вы походы боевые?
Видали ль в Персии ширванский полк?
И далее характеристика:
Уж люди! Мелочь, старички кривые
А в деле всяк из них, что в стаде волк!
Все с ревом так и лезут в бой кровавый:
Ширванский полк могу сравнить с октавой.

Почему ширванский полк сравнивает с октавой, будет показано ниже.
Ист. 9 . Октава IV. / .

5. Трехэтажный лозунг "Свобода, равенство, братство!" впервые был избран девизом тайной масонской ложи "Felix liberate", учрежденной в Голландии в конце 18 века, и только после вступления французских войск в Голландию он стал всеобщим. / 19 /.

Этот лозунг имеет двойной смысл, Для посвященных ,мастеров масонских лож, а также масонов более высоких ступеней он является олицетворением трехэтажного здания - основы масонской иерархии.

6. Определенная связь пушкинской музы с поэззией А.Шенье прослеживается и в главном предмете нашего исследования. Шестая октава "Домика в Коломне" - одна из самых глубоких и содержательных строф предисловия - напоминает нам об этом:

Но возвратиться все ж я не хочу
К четырехстопным ямбам, мере низкой...
С гекзаметром... О, с ним я не шучу;
Он мне не в мочь. А стих александрийский ?
Уж не его ль себе я залучу?
Извилистый, проворный , длинный , склизкий,
И с жалом даже точная змея;
Мне кажется, что с ним управлюсь я .

/Ист. 9 , с. 454 /

У Томашевского эта строфа изъята из предисловия и перенесена, как было отмечено выше, в раздел "ранних редакций". Ниже, в анализе двадцати двух октав предисловия, мы разгерметизируем содержание шестой октавы.

7. Речь идет о масонской ложе “Овидий”, учредителем и председателем которой был бригадный генерал Павел Сергеевич Пущин, которому Пушкин посвятил экспромт, говорящий об его отношении к масонам:

И скоро, скоро смолкнет брань
Средь рабского народа,-
Ты молоток возьмешь во длань
И воззовешь: “Свобода!”
Хвалю тебя, о верный брат,
О каменщик почтенный!
О Кишинев, о темный град!
Ликуй, им просвещенный.
/ Ист.16, с.304/

8. Борьба Иакова с самим собой.

24. И остался Иаков один. И боролся Некто с ним до появления зари; 25. и, увидев, что не одолевает его, коснулся сустава бедра у Иакова, когда он боролся с Ним; 26. И сказал /ему/: отпусти Меня, ибо взошла заря. Иаков сказал: не отпущу Тебя, пока не благословишь меня. И сказал: как имя твое? Он сказал: Иаков. 27. И сказал /ему/: отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль, ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь. /Ист. 26. Книга Бытия, гл.32, с.24-28/.

9. Пушкин всегда поражает точностью и опрятностью не только мысли, но и слова. Представьте эти строки в другой трактовке:

И часто я украдкой убегал
В совершенный мрак чужого сада.

Не звучит? А почему? Ниже, на конкретном примере из “творчества” наших пушкинистов, мы покажем, почему “совершнннный мрак” звучит нелепо. Впрочем, недавно вновь прошумевший еврейский авангардист Малевич создал идеальный образец “совершенного мрака” в виде пресловутого “черного квадрата”. И вновь пресса, как уже было во времена “Пролеткульта”, восторженно заливалась славословием “уходу” от реальности в область “непостижимых” фантазий, а телевидение даже не стеснялось показывать пустующие залы выставки “авангарда”, где комментатор, привычно картавя, пел дифирамбы самому сложному образцу р-революционного искусства - “черному квадрату”. Но комментаторов ведь тоже можно прокомментировать примерно так: “Благонамеренная глупость верноподданных идиотов всегда была продуктом питания вечных странников р-революционной перестройки”.